

Евгений Шварц

**Хроники
немецкого разведчика
Дирена Шварца
и наркома НКВД
Лаврентия Берии**

16+

Евгений Лазаревич Шварц
Хроники немецкого разведчика
Ойгена Шварца и наркома
НКВД Лаврентия Берии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43688106
SelfPub; 2019*

Аннотация

В хрониках показываются военно-политические события и действия лидеров стран Старого света – Чемберлена, Черчилля, Даладье, Муссолини, Гитлера и Сталина, повлекшие за собой большую европейскую войну, впоследствии охватившую большую часть земного шара и переросшую во вторую мировую, и деятельность разведок в этом. На обложке использована фотография Берии, которая взята из открытых источников интернета. Фотография Ойгена Шварца – фотография автора в театральной форме сотрудника СД.

Глава первая

Бергхоф и Кремль

В 12 километрах от Зальцбурга и 120 от Мюнхена. В одном из самых чудесных мест Баварских Альп. В долине Берхтесгаден с приютившимся среди гор одноименным небольшим живописным городком. Начало которому положил нищенствующий орден августинцев, основанный в 1256 году и создавший в нем аббатство.

Над Берхтесгаденом на высоте 900 метров в окружении высоких сосен, на горном склоне уединенно раскинулось частное, просторное, красивое строение, возведенное в стиле австрийского горного шале, принадлежащие канцлеру и фюреру Германии Адольфу Алоизу Гитлеру. И поэтому по всему периметру усадьба была обнесена высоким забором из колючей проволоки, у ворот охранявшаяся полицейскими.

В конце лета 1938 года, в середине дня, на открытой веранде этого строения, пол которой был выложен прекрасной зольнхофенской плиткой, под лучами еще жаркого солнца неспешно прохаживались двое. Один – среднего роста, худощавый, в надвинутой на глаза армейской фуражке, закрывавшей черным лаковым козырьком от яркого света его глаза. Второй собеседник был ниже ростом, чем первый, и, можно смело сказать, являлся довольно упитанным. Они увлеченно беседовали. Лишь изредка посматривали то на горные вершины Альп, то на расположенный внизу, в долине, один

из красивейших городов этой местности – Зальцбург с белющей на одной из его возвышенностей древней крепостью Хоэнзальцбург.

Этими двоими были хозяин имения и его давний сподвижник по нацистскому движению и по сути дела верная правая рука фюрера. Толстяк был и первым шефом гестапо, и председателем Рейхстага, а также ответственным за выполнение четырехлетнего плана по переводу промышленности Германии на военное производство. В прошлом являлся летчиком-истребителем, асом «Великой войны». Он лично сбил двадцать два неприятельских аэроплана. За это достижение и другие воинские заслуги был награжден кайзером Вильгельмом Вторым многими высшими военными наградами. Поэтому, дополнительно ко всем своим государственным обязанностям, был назначен фюрером еще и командующим возрождающейся военной авиацией – «Люфтваффе». Этим толстяком с кучей должностей в правительстве Германии являлся Герман Геринг.

– Мой фюрер, каждый раз приезжая к вам, восхищаюсь и видами, открывающимися отсюда и, конечно, самим зданием. Хочу построить рядом с вами себе такую же усадьбу, чтобы быть ближе к вам и на отдыхе.

– Геринг, первый раз сюда я попал еще в 1923 году, и эта местность сразу мне понравилось своим живописным видом. Который поразил меня, и я даже нарисовал акварель с усадьбой, прозванной в местной общине «Дом Вахенфельд». В

нем я останавливался, снимая комнату. Кроме того, для меня все здесь, можно сказать, священо. Так как в усадьбе и ее окрестностях бывал наш духовный отец национал-социализма Дитрих Эккарт, скрывавшейся от суда в находящейся в двух шагах отсюда гостинице «Платерхоф», где он скончался от инфаркта, до которого его довели своей травлей социал-демократы во главе с этим подонком Эбертом.

– Да, я помню, мой фюрер, трубадур нашей революции Дитрих тогда укрылся в этом уединенном уголке Альп от полицейских ищек Веймарского правительства рейхспрезидента Фридриха Эберта, оскорбившегося на то, что Эккарт назвал того в своем памфлете в одной из газет «инструментом в руках евреев».

– А кем он был? Этот Эберт? – воскликнул Гитлер. – Конечно, марионеткой в руках еврейских кукловодов! Эберт постоянно преследовал наше движение! – фюрер нервно сжал кулаки. Так вот, Геринг, – продолжил он, – побывав несколько раз в этом прекрасном месте, я решил приобрести у вдовы государственного служащего Винтера усадьбу «Дом Вахенфельд». Мне пришлось старухе выложить сорок тысяч рентных марок, то есть сумму, равную довоенным золотым маркам. Огромные деньги! Причем выплатил все из своего кармана. – При последних словах Геринг незаметно ехидно улыбнулся. А Гитлер, не заметив ухмылки, продолжил: – Хорошо, что подоспел очередной гонорар за книгу «Моя борьба». Когда оформил все документы и стал владель-

цем усадьбы, то первым делом сел за чертежную доску и сам набросал эскиз перестройки этого двухэтажного дома. Затем пригласил известного архитектора Алоиса Дегано. При его помощи были окончательно разработан проект здания. Причем таким образом, чтобы шале вписывалось в местный ландшафт и стало бы большим по размеру. После окончания строительных работ усадьбе придумал новое название, соответствующее этой местности: Бергхоф, или «Горный дом», или просто «На горе». Он стал не только местом моего отдыха от государственных дел, но и загородной резиденцией канцлера Германии для приема важных зарубежных персон. Здесь, как вы знаете, Геринг, у меня уже побывали министры иностранных дел Италии Чиано и Великобритании лорд Галифакс, бывший премьер-министр Англии Ллойд Джордж, и ожидаю со дня на день прибытия нынешнего премьера Чемберлена в связи с предстоящими событиями, которые мы с вами перед его приездом должны сегодня обсудить.

Гитлер замолчал и посмотрел на вершину горы Унтерсберг с крестом на пике, расположенную напротив Бергхофа.

Затем, повернувшись к собеседнику, с жесткими нотками в голосе начал говорить:

– Геринг, согласно легенде, под этой горой, – показал рукой на Унтерсберг, – лежит император Священной Римской Империи германской нации Фридрих Барбаросса и ждет своего часа, чтобы встать и навести порядок в своей империи. Но, – Гитлер замер, а затем, глядя в глаза Герингу, с надры-

вом проговорил, – я не буду дожидаться воскрешения Фридриха Великого и вместо него наведу порядок и завоюю новые страны! Только такая личность, как я, сможет объединить Европу во главе с Германией! Эта будущая империя, названная лично мной Третий рейх, раскинется от Атлантического океана до Уральских гор и далее. От Норвегии до Ирака и я обязательно завоюю Индию, тем самым подорву могущество Британии. Но пока Третий рейх – это только Германия и Австрия, но скоро начнем завоевывать новые страны.

Гитлер замолчал, посмотрел вниз на Берхтесгаден и, повернувшись к соратнику, жестко произнес:

– Поэтому я вызвал вас сюда, Геринг. Вы прекрасно осведомлены, что на данный момент происходит, – фюрер внимательно посмотрел на своего визави, – в стране, рожденной позорным Версальским миром, Чехословакии, а точнее, это отторгнутый диктатом Антанты от фатерланда по Сен-Жерменскому договору Судетский край, в котором проживает более трех с половиной миллионов наших соотечественников, не имеющих, по сути дела, как мы постоянно на весь мир твердим, – Гитлер взмахнул рукой и выкрикнул, – никаких гражданских прав, а поэтому постоянно притесняющихся чешскими чиновниками! Мы с вами, Геринг, должны решить эту проблему. Таким же образом, как я решил в марте этого года вопрос с Австрией. Ведь поэтому же договору эти подонки из Антанты запретили в восемнадцатом

году народу Австрии воссоединиться с Германией. А теперь благодаря мне австрийцы – подданные Третьего рейха и это, как вы понимаете, только начало. Кстати, англичане поддержали аншлюс, не говоря уж о моем друге, диктаторе Италии Муссолини. Французам, как я понял, было все равно, будут ли Австрия частью Германии или нет, главное, чтобы лягушатников не трогали и дали спокойно, всласть жить. Мужчинам пить вино, иметь любовниц, а дамам – новые наряды и парфюм, да и любовников тоже. Короче, буржуазное теплое болото, вот они и не будут квакать! Нужно понимать, Геринг, что чехословацкая военная промышленность ни в чем уступает германской. Поэтому армия этого псевдогосударства прекрасно оснащена, причем современным вооружением, которое очень пригодится вермахту!

Фюрер на минутку прервал речь и, положив руку на плечо толстяка, продолжил:

– Вам как уполномоченному по четырехлетнему плану, надо подумать, как лучше организовать переход чехословацкой промышленности под наше руководство, то есть влить ее в государственный концерн «Герман Геринг Верке». Особое внимание надо уделить заводам «Шкода», выпускающим неплохие танки. Эти стальные чудовища, наводящие ужас на пехоту, сыграют основную роль в моих предстоящих войнах, в основе которых будет лежать тактика блицкрига, или молниеносного прорыва и удара стальным кулаком по противнику.

Гитлер вновь замолчал и, подумав немного, продолжил:

– Я окончательно принял решение присоединить Судеты к рейху, а впоследствии, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства, – и Чехословакию в целом, превратив ее в протекторат Богемия и Моравия. Наши военные еще в тридцать седьмом разработали план по захвату этой страны под кодовым названием «Грюн». Но я не буду спешить с его реализацией. Попробую эту проблему решить, если так можно сказать, дипломатическим путем. Хотя, по правде говоря, мне больше подходит решение чехословацкого вопроса военным путем. Поэтому, по сути дела, надо просто напросто предъявить Англии и Франции ультиматум. Или они согласятся, надавив на чехов, отдать нам Судеты, или получат войну в Европе. Конечно, с последующей гегемонией Германии на континенте, а может, и на Британских островах. Пусть выбирают, что им более подходит! – воскликнул Гитлер.

– Мой фюрер, – начал Геринг, когда тот замолчал, – вы прекрасно в феврале выступили на заседании рейхстага с обращением к депутатам по этому вопросу. И они единогласно поддержали вас, восхищаясь произнесенными с чувством словами, где, мой фюрер, вы четко сказали: «Нам надо тщательно вникнуть и разобраться с теми кошмарными условиями, в которых находятся проживающие в Чехословакии наши немецкие братья, а их несколько миллионов. Я не подвергаю сомнению, что, несмотря на политическое отделение

от Германии, они, исходя из создавшегося положения, в которое попали благодаря чудовищным версальским решениям, не должны быть ни в коем случае лишены чехами политических прав. А самое главное, основного права волеизъявления народа по вопросу о самоопределении и воссоединении с родиной», – Геринг на секунду остановился и, с восторгом глядя на фюрера, продолжил.

– И вы, мой фюрер, просто блистательно закончили свою речь словами: «Для Германии, являющейся одной из ведущих мировых держав, мучительно сознавать, что наши братья по расе подвергаются неоправданно жестоким гонениям и мукам за неудержимое желание воссоединиться с нацией, быть вместе с ней и разделить ее судьбу. Задача Третьего рейха – защитить живущих рядом, но находящихся по ту сторону границы немцев, которые сами, по ряду причин, не могут завоевать политическую, а главное, духовную свободу!» Но мой фюрер, – продолжил наци номер два, – меня тревожит то обстоятельство, что Запад знает и постоянно твердит, что наши соотечественники в Чехословакии обладают, как и чехи, практически такими же политическими правами, и правительства Англии с Францией будут всеми силами противиться нашим требованиям о воссоединении судетских немцев с Германией.

– А это, черт побери, не столь важно! – воскликнул Гитлер. – Недавно именно сюда, в Бергхоф, я вызвал лидера судетско-немецкой партии в Чехословакии Конрада Генлейна.

Вдалбливал в его пустую голову подробные инструкции о том, как надо его партии постоянно выдвигать такие требования, – Гитлер хитро улыбнулся, – на которые правительство Чехословакии никогда и ни при каких условиях не пойдет и их не примет.

Фюрер немного помолчал, а затем продолжил:

– Этот учитель физкультуры после моих наставлений все-таки оказался сообразительным малым, и он четко мне сказал: «Мой фюрер, наша партия и я постоянно будем требовать от чехов как можно больше, чтобы эти требования в принципе нельзя было выполнить. В частности, мы примем на съезде в Карлсбаде программу с требованием референдума по автономии Судет, что, как вы понимаете, неприемлемо для правительства этой так называемой страны Чехословакии».

– Так что, Геринг, организуем знатную заварушку со стрельбой в Судетах, а после того как я в марте присоединил Австрию к фатерланду и тем самым отсек Чехию от ее западных границ, Англии и Франции трудно будет военным путем в случае чего прийти ей на помощь. Ну, как ты понимаешь, поляки, испытывая ненависть к бывшей своей метрополии, России, – фюрер после этих слов довольно улыбнулся и продолжил, – ни за что, вплоть до военного конфликта со своим бывшим сувереном, никогда не пропустят через свою территорию войска Советов. И моему твердому убеждению насчет позиции Польши по этому вопросу есть подтвержде-

ние. Наша агентура из Парижа, как доложил штандартенфюрер СС начальник СД Гейдрих, курирующий политическую разведку, сообщает, что недавно встречались послы Польши и США, Лукасевич и Буллит. Поляк твердо заявил своему американскому коллеге: «Допускаю возможность, что чехи могут попросить военную помощь у красной России. И если, не дай Бог, Советы, несмотря ни на что, решатся двинуть свои войска через польскую территорию, то мое государство незамедлительно, сразу же объявит войну Советскому Союзу». Вот так, мой дорогой камрад Геринг.

– Тогда неплохо сделать так, мой фюрер, – начал Геринг, – чтобы западные демократии трепали не только имя Германии после того как мы приберем Чехию к рукам. – Он на какое-то мгновение замолчал, что-то обдумывая, затем продолжил: – Но название и другой страны – Польши. Мой фюрер, ведь поляки не меньше нашего имеют притязаний на довольно большую часть территории Чехословакии. – И он посмотрел на Гитлера, ожидая, что тот скажет.

– Геринг, ты прав, – фюрер коснулся плеча своего соратника. – Поэтому во время моей встречи в январе с министром иностранных дел Польши Бекком мы, как ты знаешь, решили с ним действовать единым фронтом. Германия будет требовать от чехов Судеты, а Польша – Тешинскую область. Более того, наши и польские военные договорились между собой и даже провели на картах линию разграничения на территории Чехословакии, чтобы не возникло ненужных

столкновений между нашими и польскими войсками ввремя вхождения на занимаемые территории.

Гитлер замолчал, посмотрел на долину и продолжил:

– Также поляки уведомлены, что если начнется война между Чехословакией и Польшей из-за этой области, то Третий рейх, безусловно, выступит на стороне Польши. А возвращаясь к Беку, хочу отметить страстное желание, как его, так и правящей элиты этого рожденного версальским диктатором государства, оторванного от России, – захватить европейскую часть России и тем самым осуществить план «Великая Польша от Балтийского до Черного моря», а если повезет – и полный разгром СССР в союзе с любой западной страной. И, в частности, они не против, как говорится, биться бок о бок, плечом к плечу с Германией. Но я не допущу этого по одной простой причине. Восточные территории, включая, конечно, и Польшу, естественно, нужны будут для увеличения жизненного пространства Германии. А насчет России, – Гитлер замолчал и, внимательно посмотрев на Геринга, продолжил, – я думаю, что в скором времени для решения моих глобальных военных и политических задач по вопросу присоединения восточных земель и колонизации их Третьем рейхом, – фюрер вновь немного помолчал и затем продолжил, – надо будет на непродолжительное время с Советами установить что-то вроде дружеских отношений.

Геринг несколько удивленно посмотрел на фюрера и с восторгом заговорил:

– Вы, мой фюрер, как всегда гениально смотрите в будущее! Это произведет взрыв в политической жизни Европы, да и не только в ней! Столько лет поливали коммунистическую Россию говном и вдруг дружба, как говорится, не разлей вода.

Гитлер самодовольно улыбнулся и, качнувшись вперед-назад, вытянулся вверх, словно замер по стойке смирно.

– Вот так будут стоять передо мной западные политики, камрад Геринг. Ты спросишь: «Почему нужен Сталин?», отвечу. Сейчас он пытается сколотить коалицию из Франции и Англии против Германии, наивно пытаясь помешать нашим планам в отношении Чехословакии. Но, – фюрер на секунду замолчал, как бы уточняя про себя мысль, и, посмотрев внимательно Герингу в глаза, продолжил: – Но поверь, камрад, Чемберлену и Даладье легче отдать нам Судеты, чем скооперироваться с коммунистической Россией, против которой они всегда бешено боролись с момента Октябрьской революции. Сталин очень умный, а главное, хитрый парень! Быстро поймет, что Запад его просто водит за его длинный, почти еврейский нос, и он может оказаться в политической луже, один на один против Германии. Нет, я твердо уверен, что хотя Советы и подтягивают войска к своим западным границам, а их комиссар по иностранным делам, еврей Литвинов, в никчемной организации, а точнее, еврейской лавочке под названием «Лига наций» постоянно сотрясает воздух пустыми призывами к объединению против агрессора, тре-

буя от западных стран защитить чехов, но, несмотря на это, – Гитлер вновь на некоторое время замолчал, надвигая козырек фуражки ниже на глаза, закрывая их от вышедшего из-за тучи солнца, а затем продолжил, – после того как мы разделяемся с Чехословакией, а Запад и не пошевелит пальцем, я в этом абсолютно уверен, Сталин, как мне это подсказывает мое тонкое политическое чутье, начнет делать настойчивые попытки найти с Германией общий язык и дружбу, несмотря на наши зеркальные политические устройства государств. Хотя, прямо скажу, Геринг, что-то общее между нами есть, и Сталин, и я как фюрер единолично решаем государственные дела как внутри страны, так и на международной политической арене.

Гитлер вновь замолчал, а затем убежденно проговорил:

– Сигналом к сближению между нашими странами послужит следующий фактор, вот увидишь, Геринг, что скоро вождь Советов уберет этого еврея Литвинова с его поста наркома иностранных дел! Все будет так, как я тебе предсказываю, мой камрад! Думаю и почти уверен, и готов с тобой поспорить, что на этот пост Сталин поставит своего давнего друга Молотова, которого он, пожалуй, единственного не расстрелял из так называемой ленинской гвардии.

Фюрер достал из кармана часы на цепочке. Взглянув на циферблат, удивленно произнес:

– Заговорились мы с тобой, пора ужинать. Но я знаю, Геринг, тебе не нравится моя кухня. – Фюрер замолчал и, хит-

ро улыбнувшись, окинул взглядом толстую фигуру сподвижника. – Отправляйся к себе есть, а то похудеешь. Как тогда я оправдаюсь перед твоей красавицей женой Эммой. – И Гитлер ехидно хихикнул.

В долине Берхтесгаден уже опускались сумерки, только вершины гор еще алели в лучах заходящего солнца. А в Москве в это время уже наступила ночь. Но в кремлевском кабинете вождя Советов, как обычно, светились окна, так как его хозяин, да и по сути – всей страны, любил работать в ночной тишине под мелодичный перезвон курантов Спасской башни, наигрывавших «Интернационал».

Сталин не спеша прохаживался вдоль стола, за которым сидели практически все члены политбюро:

– Товарищи, вы прекрасно знаете, что между нами и Чехословакией в тридцать пятом году подписан договор о взаимной помощи при нападении каким-либо государством на одну из договаривающихся сторон. Но, – Сталин замолчал, окинув взглядом своих соратников, – чехи добавили в него пункт, что договор между нами будет действовать лишь в том случае, – вождь вновь замолчал и закурил трубку, а затем продолжил, – если жертве нападения, то есть Чехословакии, будет оказана помощь со стороны Франции. С этой страной у Советского Союза также есть договор, аналогичный чешскому, в нем прямо говорится, что в случае нападения со стороны кого-либо европейского государства Фран-

ция и СССР взаимно окажут друг другу немедленную помощь и поддержку.

Вождь остановился, замолчал, затем, раскуривая потухшую трубку, несколько раз затянулся и, выпустив клуб ароматного дыма продолжил:

– К сожалению, наше предложение в Лиге Наций по заключению Восточного пакта о коллективной безопасности в Европе не нашло поддержки у наших западных партнеров. А почему? – вопросительно произнес Сталин. – Да потому, что, видите ли, что ни Германия, ни Польша не желают в нем состоять. Да и как они будут в таком деле участвовать, когда хотят поживиться за счет Чехословакии. Но такая близорукая политика их правительств вызывает тревогу и в некоторых политических кругах Запада. В беседе с нашим полпредом в Лондоне Майским хорошо известный вам господин Черчилль высказал следующее опасение: «Величайшая опасность для Британской империи идет из гитлеровской Германии, превратившейся в грозную военную машину, управляемую несколькими бандитами. От этой шайки можно всего ожидать. И, пожалуй, первый удар они нанесут не по Советскому Союзу, так как это для них очень опасно», – закончив цитировать, вождь молча прошелся вдоль стола, дойдя до его торца, продолжил: – Думаю, что в этом случае Черчиллю можно верить, товарищи! Этот сэр еще с двадцатых годов, когда Антанта организовала против молодой Советской России интервенцию, а мы их в пух и прах

тогда разбили, понял, что нападать на нас для Англии очень опасно!

Сталин, сделав паузу раскурил вновь трубку и не спеша продолжил:

– Англичане прекрасно знают нашу позицию по вопросу Германии и ее стремления военным путем поработить Европу. Мы не слепые и видим, что эта страна вооружается для агрессии. Поэтому нам на текущий момент надо предпринять такие действия, чтобы не дать возможности немцам и дальше вооружиться. А если в Лондоне не согласны с такой постановкой вопроса и считают, как выразился их министр иностранных дел лорд Галифакс, что, уничтожив коммунистов в своей стране, Гитлер тем самым преградил распространение коммунизма в Европу и поэтому Германия может считаться оплотом запада против большевизма. Но, я думаю, как бы им самим не пришлось впоследствии горько пожалеть о своих действиях. Думаю, да что там! Твердо уверен, Чехословакия станет не последней жертвой, как сказал лорд, «оплота фашизма».

Сталин замолчал, посмотрел на наркома иностранных дел и спросил:

– Товарищ Литвинов, в чем проблема, почему президент Чехословакии Бенеш не желает принимать нашу военную помощь? Ведь я еще пятого мая в беседе с членом парламента Чехословакии, нашим партийным товарищем Клементом Готвальдом в присутствии Димитрова и Молотова сказал,

чтобы он передал Бенешу, что Советский Союз в любом случае придет на помощь этой братской славянской стране, даже если Франция откажется это делать. Но при одном условии: Чехословакия сама должна начать отражать агрессию Германии и сразу же попросить, чтобы Красная Армия пришла на территорию этого суверенного государства и встала на его защиту от агрессии, – вождь замолчал, положил потухшую трубку на край стола и посмотрел на наркома.

Максим Максимович встал и, посмотрев в глаза вождю, не спеша стал отвечать:

– Как я понял из многочисленных бесед с представителями дипломатических кругов Запада и в частном порядке, и на заседаниях Лиги Наций, англичане и французы склоняются к тому, чтобы все же, как они говорят, не допустить в Европе новой войны, надо заставить Бенеша бескровно отдать Гитлеру Судеты. – Литвинов замолчал.

Вождь перевел взгляд на Ежова и спросил:

– Что по этому поводу может доложить разведка?

Генеральный комиссар госбезопасности и нарком НКВД поднялся, раскрыл лежащую перед ним папку, достал документ и, посмотрев на него, стал докладывать:

– По сообщению нашей резидентуры в Праге, послы Англии и Франции, Ньютон и Деклама, по поручению своих премьер-министров Чемберлена и Даладье заявили премьер-министру Чехословакии Годже дословно буквально следующее: «Исходя из наивысших гуманных принципов со-

хранения мира в Европе, оба наших государства, которые мы представляем, заявляют о необходимости, а точнее неизбежности мирного присоединения Судет к Германии. Кроме того, договоры Чехословакии с другими странами о взаимной помощи должны быть сразу же денонсированы, в первую очередь – с Советским Союзом. А вместо этих пактов Англия, Франция и Германия дают Чехословакии твердые гарантии незыблемости ее новых образовавшихся границ». Кроме того, они заявили: если чехи не примут эти условия, то в случае нападения Гитлера на их страну Англия и Франция, как говорится, умывают руки и Чехословакия останется один на один с агрессором. И не исключено, что он может продолжить захват и других государств, как это произошло с Австрией, если сейчас не удовлетворить требования Гитлера.

Сталин небольшим взмахом руки остановил наркома:

– Вот видите, товарищи, какая оппортунистическая политика этих двух мировых держав. И Англия, и Франция все-таки допускают, что Гитлер на одних Судетах не остановится. – Вождь молча взял со стола трубку, набил ее табаком немного подрагивающими пальцами и с видимым удовольствием закурил, как бы успокаиваясь, затем произнес: – Продолжайте, товарищ Ежов.

– Товарищ Сталин, вы как всегда правы и дальновидны, – продолжил нарком, – говоря о Германии как оплоте фашизма. Наша агентура также сообщает, что эти послы пошли

еще дальше, кроме «умывания рук». Они на этой встрече заявили буквально следующее: «Союз Чехословакии и СССР против Германии вызовет негативную реакцию наших правительств. Не исключено, что тогда война может превратиться не в защиту Чехословакии. Она перерастет в крестовый поход против коммунизма. В этом случае наши государства не останутся сторонними наблюдателями в борьбе против большевиков», – нарком замолчал.

– Хорошо, товарищ Ежов, мы вас поняли, и передайте начальнику Главного управления государственной безопасности Фриновскому, чтобы и дальше сотрудники иностранного отдела активно вели разведработу по Чехословакии и Германии.

Сталин помолчал, прошелся по кабинету и продолжил:

– Несмотря на такие заявления наших западных, если можно так сказать, «партнеров», Советский Союз должен продолжать борьбу за сохранение Чехословакии. Клим, – вождь обратился к Ворошилову, – надо установить более плотные контакты с чешскими военными. В частности – с летчиками, так как румыны, насколько мне известно, закроют глаза на пролет наших военных самолетов на высоте более трех тысяч метров через их территорию в Чехословакию.

– Товарищ Сталин, – поднялся начальник Генерального Штаба Шапошников, – мы уже пригласили в Москву генерала Файфра, командующего ВВС Чехословакии, и обсудили с ним совместные действия наших авиационных сил. В

частности, было решено, что СССР предоставит около тысячи истребителей с летчиками, имеющими боевой опыт для прикрытия чешского неба.

– Это хорошо, – вставил вождь и продолжил: – Борис Михайлович, как выполняется июньское решение Главного Военного Совета?

– Товарищ Сталин, Киевский и Белорусский военные округа преобразованы в особые. В них создаются шесть крупных формирований, в которые входят тридцать стрелковых дивизии, семь танковых и двенадцать авиационных бригад, пятнадцать зенитных полков, а также инженерные части. В процессе формирования Генштаб особое внимание уделяет их пополнению как личным составом, так и необходимым снаряжением, включая боеприпасы. Они по вашему приказу готовы выдвинуться к нашей западной границе. Прикрывать эти войска с воздуха будут по три полка истребителей и скоростных бомбардировщиков СБ, а также один полк тяжелых машин ТБ-3.

Шапошников остановился, перевел дух и продолжил:

– Создан оперативный штаб управления этими войсками во главе с командармом первого ранга Тимошенко.

Как только Борис Михайлович назвал эту фамилию, Семен Константинович встал. Сталин посмотрел на него и спросил:

– Вы готовы к ведению боевых действий?

– Так точно, товарищ Сталин, сейчас мы переместили

штаб из Киева в Проскурров, поближе к границе, и организовали устойчивую связь всеми средствами с Генеральным Штабом.

– Это верно, товарищ Шапошников?

– Так точно, – ответил Борис Михайлович и продолжил: – Связь налажена и неоднократно проверена, товарищ Сталин.

– Как мы видим, товарищи, – начал вождь, – СССР готов оказать помощь Чехословакии, да и сама эта страна прекрасно вооружена. Ее армия насчитывает около двух миллионов человек. Авиация располагает тысячей шестьюстами самолетами. Имеется неплохой бронированный кулак, насчитывающий около пятисот превосходных танков. К этому надо прибавить шесть тысяч артиллерийских орудий. Франция может выставить сто дивизий. И вся эта совместная мощь – против немецких сорока пяти дивизий, которые может выставить Германия по их пресловутому плану по захвату Чехословакии «Грюн». Гитлер просто, как карточный шулер, блефует. А все-таки дело в том, что Запад, видимо, пойдет этому игроку, а точнее, все же шулеру, навстречу, лишь бы не иметь дело с Советским Союзом.

Сталин замолчал и стал раскуривать потухшую трубку, видимо, обдумывая мысль, которую собирался высказать, а затем произнес:

– Товарищ Литвинов, надо будет по дипломатическим каналам предупредить польское правительство, что в случае вторжения Польши в Тешинскую волость Чехословакии, –

вождь затаился, затем, выпустив дым, продолжил, – Советский Союз этот необдуманый шаг польского правительства будет считать актом агрессии. В этом случае мы, конечно, денонсируем без всякого предупреждения Договор о ненападении с Польшей от тридцать пятого года. И вот еще что, товарищ Литвинов, надо вызвать в ближайшее время германского посла Шуленбурга в наркомат. И прямо ему заявить, что СССР рассматривает критическую ситуацию вокруг Судет не как заботу Гитлера о судьбе чешских граждан немецкого происхождения, а как его стремление поработить Чехословакию.

Вождь вновь задумался и продолжил:

– Твердо передадите послу, что в случае начало военных действий Берлина против Чехословакии Советский Союз выполнит свои обязательства, данные этой стране, и делает все, что возможно, чтобы защитить ее.

Сталин подошел к торцу стола, остановился и, прощаясь, произнес как напутствие:

– На этом пока все. Будем, товарищи, внимательно следить за ходом событий вокруг Чехословакии. И всем надо быть готовыми, особенно военным, к любым ситуациям.

Минут через двадцать в кабинет вошел Лаврентий Павлович Берия. Сталин поздоровался и, крепко пожимая руку, спросил:

– Ежов тебя не видел?

– Нет, товарищ Сталин, я находился в комнате не у По-

скребышева, а у второго вашего секретаря.

– Это хорошо. И вот что, когда мы остаемся вдвоем, можешь называть меня партийным именем Коба.

– Слушаюсь! – радостно ответил Берия.

– Лаврентий, Ежов выполнил свое дело по чистке в армии, НКВД и партийном аппарате. Он владеет информацией, о которой ему следует забыть! Кроме того, превратился в настоящего горького алкоголика и по пьяной лавочке болтает много чего лишнего. Его жена Евгения, или как там ее по-настоящему зовут, не помню, превратилась в настоящую, как русские говорят, гулящая. Путается со всеми подряд. В ее постели бывал троцкист Аркус. И инженеры наших душ – писатели и журналисты Кольцов, Бабель туда же окунались, побывав в ее объятьях. Теперь, говорят, на ее чары клюнул знаменитый писатель нашего времени Миша Шолохов.

– Коба, да оно так и есть! Так как недавно получил от замначальника второго спецотдела Кузьмина рапорт, вот посмотри.

Сталин взял документ и, непроизвольно шевеля губами, стал про себя читать текст. «Контроль по литере «Н» писателя Шолохова осуществлялся путем прослушки его номера 215 в гостинице «Националь» в период с 3.06 по 11.06.38 г. Оперативные сотрудники Королева и Юревич опознали голоса в номере как принадлежащие Шолохову и жене тов. Ежова.

Контроль за номером Шолохова продолжался свыше де-

сяти дней, вплоть до его отъезда, и во время контроля была зафиксирована интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова».

Вождь, отдавая рапорт Берии, жестко приказал:

– Лаврентий, пора с Ежовым заканчивать! Для народа сообщим, что он попросился с целью улучшения работы наркомата водного транспорта перевести его в это ведомство. Соответственно издадим указ, что товарищ Берия из замов стал наркомом внутренних дел и начальником Главного управления государственной безопасности НКВД с присвоением звания комиссара государственной безопасности первого ранга.

Сталин протянул руку Лаврентию Павловичу и, пожимая ее, довольным тоном произнес:

– Политбюро поздравляет Вас и желает, чтобы на этом высоком посту товарищ Берия твердо проводил жесткую линию политбюро по ликвидации врагов партии и страны.

Глава вторая

Гиммлер и Гейдрих

Рейхсфюрер Гиммлер, глава, можно смело сказать, государства в государстве, то есть империи СС. Этот черный орден подавления, словно гигантский спрут, обхватил своими цепкими щупальцами всю Германию, да и не только ее, – этот монстр протянул их во многие страны мира.

Рейхсфюрер медленно прошелся по кабинету и внима-

тельно посмотрел на своего подчиненного, начальника СД – службы безопасности, а также как и внутренней, так и внешней разведки Германии, Рейнхарда Гейдриха.

Гиммлер, поблескивая стеклами пенсне, продолжал внимательно смотреть на высокую спортивно-худощавую фигуру своего зама и на вскинутую голову с чуть-чуть монголоидными чертами лица, с высоким лбом, вглядываясь в его близко посаженные светло-голубые глаза. При этом рейхсфюрер напряженно размышлял о том, как зам воспримет задание, которое он хотел поручить тому.

Гейдрих в службе СС слыл – и по сути дела являлся – убежденным наци, фанатично преданным идеям национал-социализма и, значит, Гитлеру, а не лично ему, рейхсфюреру.

Гиммлер – человек по сути своей нерешительный и не являвшийся по натуре лидером, получивший пост рейхсфюрера еще в далеких теперь двадцатых годах как функционер не имевшего веса в политической иерархии нацистского движения и не стремившийся занять передовые позиции в нем, – как говорится, был на подхвате у вожаков движения, развозя на мотоцикле разные депеши партии по низовым организациям. В то время служба СС была малозначимой, занималась лишь охраной вождей национал-социализма во время их выступлений на митингах и партийных собраниях, когда нужно было отбиваться от коммунистов.

Рейхсфюрер продолжал напряженно размышлять о том,

что, конечно, несколько рискованно провести то, что он задумал в отношении Гитлера и осуществить этот план. Дело было в том, что он хотел внедрить в окружение фюрера своего надежного человека, а попросту говоря – информатора. «Но, во-первых, в ней, этой операции, в принципе ничего не направлено против Гитлера в целом и рейха в частности», – продолжал размышлять Гиммлер. Но все-таки где-то там, на уровне подсознания, возникала какая-то неуверенность, и холодок пробегал по кончикам пальцев. Неизвестно, как отреагирует фюрер, если эта его инициатива всплывет и Гейдрих выставит в невыгодном свете роль в этом деле рейхсфюрера как соглядатая за Гитлером.

«Но, во-вторых, СД и должно заниматься такими делами, то есть безопасностью и Гитлера, и рейха в целом, а без тайных агентов в этом деле никак не обойтись», – продолжал размышлять рейхсфюрер.

В-третьих – и это самое главное, – на всякий случай у Гиммлера против своего зама была припасена некая подстраховка, о которой, как думал рейхсфюрер, Гейдрих не знал. Хранилась она в особой папке в отдельном сейфе, где лежали, дожидаясь своего часа, точно такие же папки с компроматом на всех лидеров Германии, включая и даже самого Гитлера. Но об этих папках Гейдрих был не только прекрасно осведомлен, а еще и отснял с хранившихся там документов копии и надежно спрятал их у себя в особняке. Добраться до этого заветного сейфа Гейдрих умудрился в от-

существование Гиммлера, когда тот был с визитом у шефа политической полиции Италии Артуро Боччини. Помог ему вернуть эту рискованную операцию один из лучших «медвежатников» Германии, содержащийся в концлагере «Дахау» и на время «спецработы» привезенный на Вильгельмштрассе-102, в кабинет Гиммлера. После того как открыл заветный сейф, он был отправлен вновь в лагерь, где бесследно исчез. Та же судьба постигла и всю охрану, которая в тот день несла службу возле кабинета Гиммлера.

В папку Гейдриха, по заданию рейхсфюрера, «накапало негатива» третье управление РСХА, занимавшееся сбором сведений о противниках режима внутри страны. Начальник управления группенфюрер Отто Олендорф дал команду своим самым проверенным сотрудникам без лишнего шума проверить, является ли заместитель Гиммлера стопроцентным арийцем и почему гроссадмирал Рейдер, попросту говоря, вышвырнул молодого старшего лейтенанта с флота. Оперативники довольно быстро выяснили, что Гейдрих с арийской и нордической внешностью – полукровка. Оказывается, в нем есть еврейская кровь. По утверждениям некоторых жителей Галле-на-Заале, родного городка Гейдриха, все его предки были евреями. Но этим утверждениям нужны были документальные доказательства. Сотрудники Олендорфа кинулись в мэрию городка изымать записи о регистрации новорожденных под фамилией Гейдрих. Но, увы, по странному стечению обстоятельств, такие страницы регистрацион-

ной книги были вырваны. Впрочем, это было и не удивительно. Гейдрих был бы не собой, то есть высококлассным специалистом секретных дел. Поэтому, как только Олендорф дал команду «фас» своим сотрудникам, практически сразу же об этом узнал мастер «плаща и кинжала». И, в свою очередь, приказал уже своим ближайшим подручным, как говорят на флоте, «бросить концы в воду». Исчезли «ненужные» страницы из актов о регистрации новорожденных. А на кладбище горда Лейпцига с могилы бабушки группенфюрера погребальный камень с надписью «Сара Гейдрих» буквально за несколько часов до приезда оперативников Олендорфа исчез и оказался на дне реки Вайсе-Эльстер. И они увидели на новенькой плите надпись без полного имени, просто С. Гейдрих. Но «олендрофцы» все же добыли у одного из горожан, осведомителя гестапо, фото прежней плиты. И оно, конечно, оказалось в той самой папке, что лежала в сейфе у Гиммлера.

Кроме того, сотрудники третьего управления выяснили, что у Гейдриха были отклонения в сексуальной жизни. Он оказался тайным любителем посещения девиц в публичных домах, что не особенно приветствовалось в высших эшелонах нацистской партии и элиты СС. Да к тому же эти походы в дома любви часто были своеобразные. Можно сказать, сточки зрения нормального мужчины весьма странные. Он, бывало, не оставался там на долгое время, не уединялся в отдельном кабинете с дамой. Нет, у Гейдриха была другая страсть: он собирал в холле всех женщин заведения, причем

абсолютно обнаженных и... разбрасывал перед ними по полу золотые монеты. И с каким-то потаенным наслаждением заворожено наблюдал, как они, обнаженные, ползая по полу в разнообразных позах, сверкая всеми частями тела, собирали эти монеты. Затем он неожиданно, словно очнувшись от транса, востепенувшись, быстро уходил до следующего раза.

И если об этих всех тайнах Гейдриха «случайно» узнает фюрер, то о карьере в высших коридорах власти СС ему можно забыть, в лучшем случае его могла ожидать участь рядового в армии, а в худшем – концлагерь.

Гиммлер еще раз внимательно посмотрел на Гейдриха и, немного напрягаясь, произнес:

– Как вы, Гейдрих, знаете, скоро грядут великие дела, фюрер скоро собирается решить судетскую проблему. Затем последует поход на Восток, там Польша бросает нам вызов. Как вы прекрасно знаете, это псевдогосударство не желает разрешить Германии пробить из фатерланда коридор в Восточную Пруссию, а это значит – война! Ну, об отношении фюрера к высшим чинам вермахта мы с вами отлично знаем. Мягко выражаясь, недоверие к их способности вести боевые действия по его замыслам и предложениям.

Гиммлер на секунду замолчал, снял пенсне, достал из стола салфетку из замши, протер стекла, затем вновь нацепил пенсне на нос и продолжил:

– Нашей службе надо знать, что думают, как мыслят, а главное, хотят ли служить рейху генералы, обсуждая с фю-

рером его планы. Было бы неплохо, чтобы в помощь нашему официальному представителю в адъютантуре фюрера Вольфу добавился еще один сотрудник, о котором знали бы только вы и я.

Рейхсфюрер замолчал и задумался, но затем продолжил:

– Этот сотрудник должен находиться рядом с фюрером во время совещаний с военными. Неплохо, чтобы и в другое время он был бы поблизости от фюрера. К примеру, во время, когда тот отдыхает по вечерам с гостями в своем самом близком кругу. Надеюсь, группенфюрер, вы правильно понимаете меня и ту задачу, которую нам с вами надо решить?

Гиммлер замолчал и внимательно посмотрел на Гейдриха, изучая, какова его реакция на эти слова. Но тот так же, как и в начале разговора, молча смотрел на рейхсфюрера с каменным выражением лица. В его взгляде ничего нельзя было прочесть: ни негодования, ни одобрения. Лицо Гейдриха было бесстрастно, не выражало никаких эмоций.

И Гиммлер продолжил:

– Не за горами время, когда Риббентроп, по замыслу фюрера, отправится в Россию зондировать почву с Москвой на предмет установления необходимых для Германии поставок сырья, а может, и договора о безопасности наших восточных границ. Но вы, группенфюрер, прекрасно понимаете, что этот чванливый павлин не должен остаться без присмотра с нашей стороны во время визита.

Рейхсфюрер замолчал и выжидательно посмотрел на сво-

его зама.

Гейдрих еще более вытянулся и, как всегда, когда обращался к Гиммлеру, помня о той «своей» папке в сейфе у шкафа, подобострастно произнес вместо обычного обращения «рейхсфюрер»:

– Герр рейхсфюрер, все отлично понял! Вы получаете полную информацию о будущих переговорах и по судетскому вопросу, и с русскими. Что говорят, – на секунду замолчал, улыбнувшись, что с ним бывало редко, продолжил, – и то, что думают военные, находясь рядом с фюрером. Но об этом сотруднике и что он собой представляет, о его задачах, вы обязательно лично доложите и согласуйте с фюрером. Ему надо объяснить, что рядом с ним будет находиться офицер, стопроцентный ариец, – при последних словах лицо группенфюрера напряглось – еле заметно, но рейхсфюрер это заметил, а Гейдрих продолжил: – Если потребуется, фюрер на него в любой момент может положиться. Предлагаю нашего опытного сотрудника, владеющего несколькими европейскими языками, вдобавок еще и русским, что пригодится в Москве, если мы отправим его туда вместе с делегацией Министерства иностранных дел.

– Кто же этот офицер, как долго служит в СД? Присаживайтесь группенфюрер, – проговорил Гиммлер, вопросительно смотря на своего зама.

Гейдрих сел на стул рядом со столом рейхсфюрера, выпрямился на нем, плотно прижав свою спину к спинке стула.

– Служит он в управлении Олендорфа. Сейчас откомандирован во Францию, в нашу резидентуру. Работает по позициям западных стран в отношении Судет. Моя кандидатура – Ойген Шварц, выпускник Кенигсбергского университета. Окончил факультет политических наук и одновременно ходил на лекции по философии, также учился в России на pilota в Липецкой летной школе, но не полностью прошел курс обучения. Так как вы знаете, фюрер с приходом к власти свернул сотрудничество в военной сфере между Германией и Советами. После возвращения в фатерланд через наш кадровый отдел по поиску сотрудников был принят в СД и служит уже около семи лет. Имеет звание гауптштурмфюрер. Он принимал некоторое участие в той же Франции в работе с русской эмиграцией. Во время операции по дискредитации в глазах Сталина Тухачевского, что, в конечном счете, привило маршала на эшафот.

Гиммлер внимательно выслушал своего зама, взял со стола зеленый карандаш, которым подписывал положительные резолюции на документах и сделал какую-то отметку в журнале, лежащем перед ним. Затем, покрутив карандаш тонкими пальцами, спросил:

– Его хорошо проверяли? Не получится ли так, что он завербован там, в России, НКВД, когда обучался в летной школе?

Гейдрих в ответ еще более вытянулся на стуле:

– Нет, герр рейхсфюрер, там, в Липецке, германский со-

став не выходил за территорию гарнизона. Контакты с русскими были сведены к минимуму и все были друг у друга на виду. Да к тому же там были два наших осведомителя. Но, конечно, через третий отдел Олендорфа периодически проводим его негласную проверку, данные о которой докладывают лично мне. Ничегостораживающего за все время службы гауптштурмфюрера не было выявлено, рейхсфюрер.

Гейдрих замолчал и сосредоточено посмотрел на Гиммлера, а затем продолжил:

– Герр рейхсфюрер, на мой взгляд, на данном этапе он будет непосредственно работать под моим руководством. Но впоследствии лучшим вариантом будет перевести Шварца в подчинение вашему офицеру-порученцу Вальтеру Шелленбергу. Ведь после реорганизации СД и возникновения новой структуры РСХА Вы планируете поставить Вальтера во главе политической разведки рейха.

Гиммлер более внимательно посмотрел на своего зама: «Подстраховывается, предлагая доложить и обсудить с Гитлером ситуацию с новым сотрудником в его окружении. Знает и о будущем назначении Шелленберга. Но вот здесь, мой друг, ты допустил серьезную ошибку, – продолжил размышлять Гиммлер, изучающе смотря на своего зама. – О новой должности Шелленберга и реорганизации службы СД я докладывал фюреру в присутствии только еще одного человека».

Им был Рудольф Гесс, являвшийся, по сути дела, третьим

человеком в иерархии рейха. Его подпись под партийными документами равняется росчерку самого фюрера.

Гесс в самом начале мировой войны отправился на фронт добровольцем. Почти все четыре года сражался в пехоте, за храбрость был награжден двумя железными крестами. В конце войны после третьего тяжелого ранения, находясь в госпитале и слушая рассказы авиаторов о воздушных боях, решил перейти в этот новый вид войск. По окончании курсов пилотов Гесса направили в знаменитую германскую авиационную эскадрилью «Рихтгофен», названную по фамилии ее первого командира, незадолго до этого погибшего в воздушном бою от очереди английского пилота и тоже аса Артура Брауна. Но перед этим Манфред фон Рихтгофен в этом же бою одержал свою восьмидесятую победу.

К моменту прихода в «Рихтгофен» новоиспеченного пилота эскадрилей командовал будущий наци номер два Герман Геринг. Они познакомились, сошлись в политических взглядах, и довольно крепко подружились, так как оба были влюблены в авиацию и небо. После окончания войны пути их не разошлись: Рудольф примкнул к нацистам, получил партийный билет за номером 16.

Гесс принял самое активное участие в так называемом «Пивном путче», который возглавил Гитлер, начавшемся в Мюнхене 8 ноября 1923 года в огромной пивной под названием «Бюргербройкелер», вмещавшей около трех тысяч человек любителей хмельного напитка.

Будущий фюрер Третьего рейха в самом большом зале пивной в течение вечера выступал несколько раз, а чтобы привлечь внимание толпы к себе, стрелял из нагана в потолок. При этом он, обращаясь к слушателям, кричал: «Долгожданная национал-социалистическая революция началась!» А затем произнес впоследствии пророческие для себя слова: «Камрады, вот из этого револьвера я в случае чего застрелю предателей революции, а последним патроном сам застрелюсь!»

Путч провалился, полиция разогнала национал-революционеров, при этом несколько из них погибли, а руководителей нацистской заварушки арестовали и судили. Гитлеру вынесли приговор: пять лет, из которых он пробыл в заключении всего восемь месяцев.

Будущего фюрера Третьего рейха поместили в тюрьму, которая, собственно говоря, была по сути дела крепостным замком, носящим имя «Ландсберг».

Гесс, являясь активным участником пивной заварушки, бежал в Австрию, чтобы избежать наказания от властей Германии. Но когда Рудольф прочитал в газетах, что его вожака заключили в замок, он добровольно вернулся в Германию. Его, конечно, арестовали и отправили отбывать наказание вместе со своим кумиром.

А что будущий фюрер Германии для Гесса был, можно твердо сказать, идиолом, ни у кого из близко знавших эту парочку не вызывало сомнения. Так как еще в самом нача-

ле их совместного политического пути Гесс как-то в кругу единомышленников с восторгом произнес: «Только Адольф, с его железной волей, целеустремленностью, единственный, кто сможет покончить с позорным и ужасным для Германии Версальским диктатом!»

В крепости-замке Ландсберг для участников «Пивного путча» были созданы довольно комфортные условия. Как раз тюрьме между революционерами произошло размежевание по тактическим вопросам в борьбе за власть.

Так, основатели «национал-социализма» – Штрассер, Вебер, Кребель, Морис – разместились на первом этаже в камерах, которые, кстати, не запирались.

Основным занятием верхушки партии были игра в карты и обращения к охранникам с просьбой сбегать за пивом. Но «картежникам» очень мешал Гитлер своими постоянными речами буквально на разные темы. Вначале они согласно кивали головами на сентенции Адольфа, продолжая играть. Затем стали отмахиваться от него, как от назойливой мухи, а когда игрокам совсем стало невмоготу, Грегору Штрассеру пришла в голову замечательная, как он думал, идея.

В один из дней, когда Грегор сидел за столом на «раздаче», сдавая карты партнерам, он с возмущением посмотрел на Гитлера, который в очередной раз нес какую ту чепуху и мешал игре. Вначале Штрассер хотел наорать на него, чтобы тот отстал от компании со своим красноречием, но затем передумал и задумчиво произнес:

– Адольф, а ты не думал, над тем, чтобы твои замечательные и толковые речи не канули в лету? Стоило бы тебе записать их, а затем выпустить книгу воспоминаний и наставлений нашим партийцам, да и просто для тех, кто интересуется нашим движением. Подумай хорошенько над этим.

Гитлер вначале удивленно посмотрел на Грегора, а затем выпалил:

– Герр Штрассер, пожалуй, вы правы. У меня тоже периодически мелькала такая мысль, но я не был уверен в ней. Хотя и название мелькало у меня в голове: «Моя борьба», как вы его находите, герр Штрассер?

– Превосходно, Адольф, только почему «моя»? – не отрываясь от игры, вопросительно и вместе с тем наставительно произнес Штрассер, и продолжил: – А может, взять название «Наша борьба?» – А затем, чтобы Гитлер отвязался от них, добавил: – Ну хорошо, пусть будет «Моя борьба», – подмигивая остальным игрокам, не отрываясь от карт, двусмысленно произнес Штрассер. – Да, вот еще что, возьми к себе секретарем этого летчика, почти аса – Гесса, будет за тобой записывать, все равно Рудольф не играет в карты и только слоняется без дела за тобой, путаясь под ногами, и мешает нам

Именно там, в замке-крепости Ландсберг, пока так называемые революционеры отсиживали свои сроки, Гитлер надиктовал свои путаные мысли и разглагольствования, а Гесс усердно записывал за фюрером эти псевдофилософские

сентенции и антисемитские высказывания. Так и родилась в тюрьме партийная библия нацистов «Моя борьба», или «Майн кампф».

Кстати, большая часть партийной верхушки Третьего рейха, как со временем выяснилось, даже ни разу не открывала этот так называемый научный труд. Правовверные партайгеноссе, интересуясь между собой в перерывах, на партийных конференциях, задавали друг другу один и тот же вопрос: «А Вы, партайгеноссе, читали «Майн кампф»?»

От этого вопроса партайгеноссе смущенно между собой улыбались, а Геринг в ответ на этот вопрос просто расхохотался, отрицательно трясая головой.

Символично, что тюрьма, собственно говоря, и стала для Гитлера стартовой площадкой на его пути по захвату власти. Так как многие газеты Германии изображали его как борца против «диктата Версаля», невинно пострадавшего и отбывающего в ужасных тюремных условиях большой срок за призывы по отказу подчиняться условиям, выдвинутыми странами Антанты. А Гессу Ландсберг помог подняться в партийной иерархии к позиции «наци номер три». После досрочного выхода из тюрьмы он продолжил стезю секретаря Гитлера, а затем возглавил и партийную канцелярию.

Обо всем, что делалось в замке-крепости Ландсберг, когда там находились основатели нацистской партии, у Гиммлера в его заветном сейфе, конечно же, находилась папочка с документами, с которой так же не преминул познакомиться

Гейдрих.

«Такая осведомленность позволяет подозревать, что у Гейдриха втайне от меня в партийной канцелярии Гесса есть свой человек, – подумал Гиммлер. – Да, недаром начальник одной из спецслужбы дружественной нам страны, – продолжал размышлять рейхсфюрер, – после того как Гейдрих побывал там с визитом и они встретились и откровенно пообщались между собой, при личной встрече сказал мне, что он не стал бы и близко держать рядом с собой Гейдриха. «Это очень опасно иметь такого зама! Этот человек, а точнее, беспощадная машина преследования и уничтожения врагов – и личных, и рейха, ни перед чем не остановится и никого не пожалеет! У него только один бог – неограниченная власть над другими! Гейдрих не то что через вас, дорогой герр Гиммлер, перешагнет, нужно будет ему взобраться на вершину власти – он и фюрера уберет с дороги! Подумайте над моим предупреждением, рейхсфюрер».

Не отпуская своего зама, Гиммлер отбросил воспоминания и, поглядывая на него, стал размышлять о том, как и под каким предлогом внедрить своего человека в окружение Гитлера. Остановился рейхсфюрер на том, что надо действовать через начальника личной охраны группенфюрера СС Ганса Ратгенхубера. Несмотря даже на то, что как-то фюрер кричал ему, Гиммлеру, по сути дела, самому приближенному и доверенному лицу, чтобы он никогда, ни в коем случае не расспрашивал начальника охраны о том, что проис-

ходит в ближнем кругу!

А Раттенхуберу приказал немедленно докладывать о попытках Гиммлера что-либо разнюхать, так и кричал с австрийским акцентом: «Разнюхать!» Вот после этого случая Гиммлер и укрепился в мысли иметь своих людей в ближнем кругу фюрера, чтобы быть в курсе всего, что там происходит.

Здесь надо отметить, что начальник охраны Гитлера своему продвижению по службе был лично обязан Гиммлеру, с которым был близко знаком еще с далекого 1918 года, а с 1933 года стал его адъютантом. Через некоторое время рейхсфюрер назначил своего протеже на нынешний пост, конечно, с согласия Гитлера. Когда фюрер услышал фамилию «Раттенхубер», он только хмыкнул и сказал: «Ну и ну, он, как в старые времена, будет меня охранять». Дело в том, что Раттенхубер служил охранником в той самой тюрьме, где сидел Гитлер с Гессом. После назначения на должность главного охранника фюрера Гиммлер присвоил ему генеральское звание, да и формально говоря, тот по службе подчинялся Гиммлеру. Поэтому глава СС предположил, что тот вряд ли доложит Гитлеру о просьбе, а точнее, о приказе рейхсфюрера.

– Гейдрих, как, на ваш взгляд, верно будет, если мы попросим Раттенхубера без лишних расспросов взять в штат гауптштурмфюрера Шварца? Но от Олендорфа мы его, конечно, заберем, со временем переведем, как вы, группенфюрер, предлагаете, к Шелленбергу. Но непосредственно кури-

ровать его деятельность буду лично я, а если буду находиться за пределами рейха, то возлагаю это дело на вас, Гейдрих. Прошу вас, подготовьте соответствующие документы для отдела по личному составу.

– Ваш приказ незамедлительно будет выполнен, герр рейхсфюрер, – поднимаясь и делая упор на слово «приказ», прощаясь, сказал Гейдрих.

Посмотрев на своего зама, Гиммлер хотел сказать тому, что тот свободен, но в этот момент зазвонил зеленый телефон спецсвязи, прозванный сотрудниками «лягушкой». Рейхсфюрер снял трубку и услышал глуховато-резкий голос фюрера:

– Гиммлер, в преддверии решения судетской проблемы мне нужен человек из вашей организации для особых поручений, с которым вы и прибудете ко мне в Бергхоф.

– Мой фюрер, все будет выполнено, – ответил Гиммлер, хотел еще добавить «о...», но Гитлер уже положил трубку.

– Рейнхардт, – необычно вместо фамилии назвав своего зама по имени, Гиммлер с легкой улыбкой продолжил: – Мы с вами заранее угадали желание нашего фюрера, ему нужен человек из СС для личных поручений, так что все наши сомнения по этому поводу можно отбросить и забыть. Отзовите немедленно гауптштурмфюрера Шварца из Франции. Его возьму с собой на «Гору» и познакомлю с фюрером, – не спеша проговорил рейхсфюрер и добавил: – Гейдрих, вы свободны.

Тот повернулся и почти строевым шагом покинул кабинет. А Гиммлер еще долго в раздумье смотрел на дверь, за которой скрылся его заместитель.

– Ну что ж, с этим вопросом о внедрении своего человек в окружение фюрера, можно сказать, решил, а вот насчет Гейдриха, – и рейхсфюрер взглянул на закрывшуюся за замом дверь, – надо спокойно поразмышлять, как изящнее и без лишних подозрений избавиться от него.

Глава третья

Судеты и премьер Чемберлен

В Германии также не забывали всуе упоминать Советскую Россию. В начале сентября в столице нацистских съездов Нюрнберге, а точнее, на его окраине, возле озера Дутценд-тайх, в подковообразном помпезном здании, носящем названию «Луитпольд», проходил десятый съезд национал-социалистической немецкой рабочей партии.

В начале заседания, по заведенной традиции, Берлинский симфонический оркестр сыграл увертюру Бетховена к трагедии Гете «Эгмонт». Под заключительные аккорды музыки на трибуне театрально появился фюрер, и зал встретил его восторженным ревом: «Хайль!!!»

Как только смолкли последние возгласы восторга, Гитлер начал свое выступление. Сопровождал его фюрер заранее отрепетированными у себя на квартире перед зеркалом жестами рук, мимикой лица, интонациями голоса.

Стоя за трибуной и глядя в зал, фюрер доходил до истошного крика, с поднятыми вверх руками, сжатыми в кулаки, потрясая ими в тех местах своей речи, где выдвигал требования о передаче ему Судет. В других частях речи голос падал и руки опускались, пальцы судорожно вцеплялись трибуну, и Гитлер хриплым шепотом трагично произносил: «Вы не представляете, партайгеноссе, как преследуют наших братьев...» в местах речи о дискриминации фольксдойче. Фюрер останавливался, делал театральную трагическую паузу, и в зале становилось абсолютно тихо. И вдруг «неожиданно» у Гитлера на глазах, на виду у всех, наворачивались слезы, и он продолжал трагическим шепотом рассказывать о невыносимых условиях жизни немцев в Чехословакии. А затем неожиданно опять переходил на крик, вскидывая вновь вверх руки со сжатыми кулаками: «А иначе я не остановлюсь и перед военными действиями, как бы это ни было прискорбно!» Он замолкал на некоторое мгновение, затем уже тоном внушения продолжал: «Все европейские правительства должны понять, что лучше пойти мне навстречу, на уступки, так как это будет мое последнее притязание на чью-либо территорию!»

Гитлер делал паузу, выжидал какое-то время и назидательным тоном, словно школьный наставник, продолжал: «А кроме того, вы, лидеры Запада, не какие-то безмозглые недоумки и вполне можете понять роль Германии как всесокрушающего волнолома, о который разобьется ужас-

ный ледяной вал коммунистической заразы, способной испоганить Европу, превратить ее, обетованную и процветающую, в мертвую ледяную пустыню, уничтожить многовековую культуру в случае, если большевистская Россия придет на помощь Чехословакии. Этого вы, господа так называемы демократы, не должны допустить!»

Все это театральное действо фюрер, как крутившаяся на одном месте патефонная пластинка, излагал единомышленникам практически не меняя ни слова в своей речи. Только жонглирования фразами в течение более чем трех часов, все время посылая проклятия в сторону Чехословакии и обтекаемые намеки с нотками угроз – в направлении Англии и Франции.

Там же, в своей квартире в Мюнхене на Принца-регента-16, Гитлер заранее определил для себя, что его выступление будет адресовано не членам партии, а в первую очередь лидерам Запада и в какой-то степени – Чехословакии.

Фюрер в этом отношении тактически поступил верно, и его посыл был услышан Западом, чему еще послужило выступление нациста номер два, которое фюрер и Геринг заранее обсудили, да, собственно говоря, они оба его и подготовили.

Геринг вышел на трибуну сразу после фюрера и вцепился короткими толстыми пальцами в кольца, в которых сверкали бриллианты, в ее края, оглядел зал и, как говорится, сразу взял в карьер!

– Малая доля Европы топчет и плюет на права семидесяти миллионной арийской расы. Это недопустимо, партайгеноссе, мы все как один должны встать на защиту наших угнетенных единокровных братьев! Не пожалеем своих жизней, но освободим их из чешского рабства.

Он замолчал, а зал взревел: «Хайль Гитлер!!!»

Геринг дождался, когда толпа утихнет, и продолжил с вопроса:

– А почему все это возможно? Да все просто, партайгеноссе, за этой недостойной ничтожной расой людоедов-чехов, поработавших наш культурный народ, стоит поганая морда еврейского сатаны и, конечно, рука Москвы! Как в этом вопросе, вы прекрасно понимаете меня, можно обойтись без большевиков с их еврейским правительством! Мы и лично я, – Геринг самодовольно окинул взглядом зал и продолжил, – искоренили своих коммунистов, конечно, покончим и с русскими большевиками! Несмотря на то, что лягушатники и утренние поедатели овсянки там, за Ламаншем, заявили о военной поддержке чехов. И все же наш гениальный фюрер видит мирное сосуществование и с Англией, и с Францией, но мы не бросим судетских немцев на произвол судьбы! Германия сумеет защитить их! – под рев зала закончил свое выступление наци номер два.

После съезда Гитлер уединился в Бергхофе, ожидая реакции глав правительств Франции и Англии на его выступление в Мюнхене. И она не заставила себя ждать: в Суде-

тах под руководством все того же Генлейна 30 сентября организовано начались волнения немецкого населения. В ответ на них на территории, где проживало большинство немцев, президент Бенеш объявил военное положение, что еще более накалило международную обстановку и на политическом горизонте замаячил призрак, но не коммунизма, а европейской войны. И уже на следующий день после выступления Гитлера на съезде нацистов премьер-министр Великобритании Чемберлен просит фюрера принять его, как выразился последний, «для предотвращения войны и во имя спасения мира на континенте», прислав канцлеру следующую телеграмму: «Так как в складывающейся обстановке нарастает негативная тенденция, желательно мне незамедлительно встретиться с Вами для поиска мирного разрешения этого сложного вопроса. При положительном вашем ответе вылетаю завтра, то есть 15 сентября. Невилл Чемберлен».

Гитлер, несмотря на то, что ему очень хотелось как можно скорее напасть на Чехословакию и полностью оккупировать ее, все же решил принять английского премьер-министра и тем самым показать мировому сообществу свое мнимое миролюбие. И по этому поводу высказался в своем ближайшем окружении: «Какая удача, словно Проведение послало мне такой щедрый подарок для того чтобы все правительства мировых держав видели, что я на все иду ради мирного решения Судетского кризиса!»

Надо отметить, что погода, а точнее, непогода во время

встречи руководителей двух стран соответствовала создавшемуся политическому климату Европы.

Борт с так называемым «борцом за мир» из туманного Альбиона, который до этого случая ни разу не пользовался самолетом, с трудом приземлился в отвратительнейшую, практически нелетную, погоду в аэропорту Мюнхена. Измученный своим воздушным крещением Чемберлен с радостью пересел в спецпоезд Гитлера под кодовым названием «Америка». Удобно устроившись возле окна в мягком кресле в личном вагоне фюрера Чемберлен с удовольствием стал разглядывать окружающую местность.

Надо отметить, что Гитлер специально приказал посадить самолет премьера именно в Мюнхене, а затем доставить Чемберлена в Берхтесгаден по железной дороге, чтобы тот увидел стоящие на всех полустанках воинские эшелоны с боевой техникой и солдатами, специально заранее пригнанные к приезду премьер-министра Англии.

Непогода и в Альпах показала свой своенравный характер. На горы в этот знаковый день, закрыв их вершины, опустились черные тучи. В момент встречи двух политиков полил проливной холодный дождь. И Чемберлену пригодился его знаменитый зонт, с которым тот никогда не расставался.

Премьер-министр быстро раскрыл его и укрылся от холодных капель, забарабанивших по зонту, словно пули, но под ним оказался не только он. Волей-неволей под знаменитым зонтом спрятался и Гитлер, встречавший Чемберлена

на пороге своего особняка, которому его личная охрана не успела подать зонт.

Фюрер, оказавшись бок о бок с высокопоставленным гостем с «острова», пожимая ему руку миролюбиво заявил:

– Ну вот, господин премьер-министр, нахожусь под вашей защитой. Надеюсь, – продолжил Гитлер, – что это знак того, что мы вместе найдем приемлемое решение, как мирным путем помочь бедным судетским немцам. Но давайте, господин премьер-министр, пройдем с порога, укроемся от пронизывающего ветра и дождя в помещении, откуда открывается прекрасный вид на гору Уинтерсберг. Этот пик для меня священен, так как, по преданию, там обитает дух великого императора Барбароссы.

Но, увы, вершины горы из-за грозовых туч не было видно, и Гитлер не стал дальше разглагольствовать об императоре Священной Римской Империи, с которого старался брать пример в укреплении своей власти, но при этом каким-то образом забыл, что Барбаросса бесславно закончил свою боевую жизнь. Случилось это по пути в Палестину во время организованного императором похода с твердым намерением отвоевывать гроб Господень у египетского султана Салах ад-Дина. Но, не дойдя до Святой земли, и весьма прилично, император позорно утонул на глазах у своего войска в небольшой, стремительной, но неглубокой горной реке Селиф, протекающей в Южной Турции, переправляясь через нее вброд на своем боевом коне.

Воспользовавшись паузой в словесном потоке хозяина, Чемберлен, измученный и полетом, и отвратительной погодой, и болтовней хозяина, внимательно посмотрев на Гитлера, с тоской в голосе задал вопрос, ради которого он, собственно, и прилетел сюда:

– Господин канцлер, как вы лично видите решение такой серьезной проблемы, касающейся целостности Чехословацкого государства?

Гитлер, в свою очередь уставившись в глаза Чемберлену своим знаменитым взглядом, который многие из тех, кто общался с фюрером, считали гипнотизирующим ответил:

– Я приверженец, как, кстати, и вы, мирного решения. – Он на некоторое время сделал паузу, подчеркивая важное, что будет сказано, и продолжил: – Моя задача – выволить из-под чешского гнета, – на последнем слове фюрер сделал ударение, – наших немецких братьев, проживающих на территории Судет, господин премьер-министр. И, надо отметить, хочу вам сказать, что в создавшейся ненормальной обстановке между двумя государствами, Германией и Чехословакией, полностью виноват никто иной как ее президент Бенеш. Он спит и видит, как еще сильнее притеснить немецкое меньшинство и тем самым развязать войну между нашими государствами.

Гитлер вновь сделал паузу, отпил глоток минеральной воды и продолжил:

– Я надеюсь, что Великобритания в вашем лице поддер-

жит мое требование о передаче Судет фатерланду на основе права наций на самоопределение.

Фюрер вновь немного отпил из стакана, на некоторое время в зале воцарилась тишина, но Гитлер вновь заговорил:

– Господин премьер-министр, вы глава правительства государства со старинной развитой демократией. И можете понять меня, разве я могу как канцлер страны, готовой принять своих соотечественников, не поддержать право судетских немцев на вхождение в состав Германии через проведение референдума? Этого, как вы прекрасно понимаете, важнейшего института прямой демократии. Или вы хотите пустить большевиков в Европу? Они спят и видят, как ловчее поработить европейские цивилизованные страны, а начать хотят с военной помощи Чехословакии и затем обосноваться там, причем навсегда!

На такой демагогический пассаж диктатора Чемберлену нечего было ответить, а Гитлер стал и дальше разглагольствовать:

– Если Англия и Франция меня не поддержат, то остается одно – война в Европе. Наши войска готовы к освободительному походу и силой решить проблему наших соотечественников с несговорчивым Бенешем. А Польша не позволит Советам прийти на помощь чехам через ее территорию. – И, вновь отпив глоток воды, со стуком поставил стакан на стол, как бы ставя точку в разговоре.

– Господин канцлер, я прихожу к выводу, – начал Чем-

берлен, – вы все же намерены ввести войска в Чехословакию начав тем самым войну. Две наших страны делают все возможное для решения данной проблемы. Еще в мае посол его величества и посол Франции заявили министру иностранных дел Чехословакии Карелу Крофту, что его правительство должно принять требования Германии об автономии Судетского края. И послы заявили: если этого не произойдет, то, в случае вооруженного конфликта, наши страны не окажут военной помощи вашему государству. Возникает естественный вопрос: вы на это рассчитываете, что мы не подставим плечо чехам?

И замолчал, глядя на клубящиеся дождевые тучи за панорамным окном. Оторвав взгляд от разбушевавшейся стихии, Чемберлен продолжил:

– Для чего я прибыл сюда, в горы, к вам, господин рейхсканцлер? Я думаю, что мне разумнее прекратить наш бесплодный разговор и вылететь обратно в Лондон, так как я не вижу смысла в дальнейшем нашем общении, раз вы желаете втянуть Европу в войну.

После этих слов Гитлер насупился, и выражение его лица стало жестче, а усики на верхней губе стали подергиваться.

Чемберлен, взглянув на него, понял, что фюрер не отступится от своего плана военной интервенции против Чехословакии. И тогда он на миг мысленно представил себе: «Британцам придется умирать за интересы, которые от них весьма далеки. Там, в Англии, у себя, придется копать око-

пы, строить бомбоубежища. Объявлять мобилизацию, а затем тысячами гибнуть – и только из-за того, что две страны на континенте не могут сами найти мирное решение. Европейская трагедия обязательно случится, если не пойти навстречу диктатору в его требованиях. Да и пассаж Гитлера о большевизме полностью согласуются с лозунгом моей партии: «Чтобы жила Британия, большевизм должен умереть». Сам я скорее уйду в отставку, чем допущу какое-либо соглашение с большевистской Россией. Да и, по сути дела, прав мой помощник Уилсон, считающий, что Англия и Германия – это две гранитные скалы, о которые разбивается всесокрушающий вал коммунизма, пытающийся захлестнуть Европу».

Встряхнув головой, как бы отбрасывая в сторону эти мысли, Чемберлен заявил:

– Господин канцлер, не посоветовавшись с парламентом, я не могу самостоятельно принять удовлетворяющее вас решение.

При этих словах Гитлер нахмурился, но Чемберлен продолжил:

– Но я согласен с вашими доводами, что области, где проживает более пятидесяти процентов немецкого населения, должны войти в состав Германии, а Франция и Англия станут гарантами новых образовавшихся границ Чехословакии. Но при одном условии: никаких военных действий со стороны Германии в отношении Чехословакии и сохранение ее

как единого государства в будущих новых границах

При этих словах Гитлер даже вскочил:

– Вы говорите, чтобы я не применял войска! Но послушайте, господин Чемберлен, это не я объявил и бряцаю оружием, а Бенеш! Он и армию натравил на моих соотечественников!

Наступила пауза, и Чемберлен, напуганный истерикой Гитлера, с нотками миролюбия произнес:

– Давайте встретимся с вами в конце сентября и окончательно, после необходимых консультаций по этому вопросу с заинтересованными странами, исключая, конечно, Россию примем приемлемое для вас решение по Судетам.

Проводив Чемберлена в его туманный Альбион, фюрер на некоторое время решил уединиться и остаться в Бергхофе. По вечерам, сидя в глубоком кресле у камина и протянув ноги к горящим в нем неярким огнем буковым поленьям, Гитлер, как всегда, разглагольствовал с коротавшими вместе с ним практически каждую ночь почти до утра ближайшими сотрудниками на разные темы или воспоминал детство. Ближний круг выслушивал его эти пространные сентенции. Ненатурально смеялись на его незамысловатые шутки, зачастую направленные на тех, кого рядом не было. Как-то он произнес:

– Отец довольно часто лупцевал меня ремнем! И думаю, что это пошло мне не во вред.

– Да мой фюрер, ум вам вгоняли ударами по заднице,

и это вам, как видим, здорово пошло на пользу, вы стали канцлером! – воскликнул глуповатый руководитель Трудового фронта. После этой его реплики все оцепенели, глядя на побелевшего после своих слов Роберта Лея. Но пронырливый Геббельс разрядил напряжение, воскликнув:

– Как мы видим, герр Лей, вас-то отец не порол ремнем, раз вы такое говорите нашему фюреру.

Но на сей раз Гитлер не шутил, а, глядя на огонь, самодовольно заявил:

– Как всегда, Проведение мне правильно подсказало, как вести и что говорить с этим молодчиком с Даунинг-стрит-10 с кустистыми бровями и зонтом. Кстати, как у тебя, Гесс, я имею в виду твои брови, так как знаю, что тебе зонт не нужен и его у тебя нет, – хихикая, обратился фюрер к своему заместителю по партии. Поэтому, господа, и результат последовал практически незамедлительно. Англичане с французишками 19 сентября грозной нотой наехали на Бенеша, чтобы тот неотлагательно принял мои предложения. То есть не выпендривался и отдал подобру-поздорову Судеты Германии.

Гитлер на какое-то время замолчал и, нагнувшись к порталу камина, пошевелил витой, красивой, кованой кочергой поленья и, вновь откинувшись к спинке кресла, продолжил:

– А что касается Чемберлена, если он еще раз сунется ко мне в Бергхоф со своими дурацкими мирными предложениями, то тогда отведу его на верхнюю ступень парадной лестницы дома, разверну лицом к спуску, а для этого случая спе-

циально обуя армейские подкованные сапоги, и как дам под его тощий зад, чтобы он летел кувырком вниз по лестнице вместе со своим зонтом, на потеху всем присутствующим. А я уж позабочусь, чтобы народу было как можно больше и, ко всему прочему, присутствовали бы писаки-журналисты.

Гитлер замолчал, задумчиво посмотрел на огонь и продолжил:

– Я правильно разыграл, вынув из политической колоды карт козырную – коммунистическую угрозу. Эти так называемые демократы сразу возопили: «Если чехи откажутся выполнять условия германского предложения и примут военную помощь Сталина, то Англия и Франция откажется от военной помощи Бенешу в возникшем военном конфликте». Думаю, господа, что если такое случится, то чехословацкий конфликт с участием России перерастет в новый крестовый поход, только теперь не за гроб Господень, а против большевиков. И западные демократии, конечно, примут в нем участие на нашей стороне, так как они давно зуб точат на большевистскую Россию. При таком развитии событий чехи сами должны понять, на чьей стороне выступят эти две страны Франция и Англия. И еще одно, господа, я думаю, Сталину в настоящее время не до проблемы Чехословакии. Вождь Советов сейчас ликвидирует не без нашей помощи с организацией каких-то показательных судебных процессов своих бывших товарищей по партии и революции, а заодно и строптивых военных. Ну совсем как я разделался с Ремом и

его приспешниками, возомнившими о себе слишком много и покусившимися на мою революцию и власть. Но только, в отличие от Сталина, я не стал заморачиваться с нашей судебной системой, она еще не готова выполнять мои требования. Просто взял лично – и с Герингом, а также Гейдрихом перестрелял эту банду гомосексуалистов-предателей. И это совершенно правильно, так и впредь буду поступать с отщепенцами, возомнившими о себе слишком много! У революции, что национал-социалистической, что у октябрьского переворота в России, или, как потом Сталин назвал его, социалистической революции, должен быть только один вождь. Именно за ним должны, без всякого сомнения, идти массы и беспрекословно подчерняться и преклоняться ему!

Глава четвертая

Мюнхенский договор, или Ликвидация Чехословакии

Но Гитлер ошибался в отношении действий Кремля. Судетский кризис нарастал, и Сталин 20 и 21 сентября собирал в своем кабинете ближайших соратников членов политбюро: Молотова, Ворошилова, Кагановича и заместителя комиссара иностранных дел Потемкина для обсуждения действий Советского Союза по оказанию помощи Чехословакии в сохранении своей независимости как государства.

Вождь прошелся по ковровой дорожке своего просторного кабинета и не спеша начал говорить:

– Товарищи, события вокруг братской славянской республики стремительно развиваются, к сожалению, не в лучшую сторону для этой страны. Чехи как бы выходят на передний край в борьбе против фашизма. Мы с вами уже обсуждали этот вопрос на политбюро, и теперь вновь должны подтвердить нашу безоговорочную поддержку Чехословакии.

Сталин замолчал, как бы собираясь с мыслями, а затем продолжил:

– Думаю, и вы со мной согласитесь, товарищи, что нервы у Советского Союза крепкие. А армия сильная, и мы не должны реагировать на заявления Польши о начале войны с Россией, если наши войска придут на помощь чехам.

Сталин подошел к краю стола, на котором лежала потухшая трубка. Раскурил ее и, посмотрев на соратников, произнес:

– Товарищ Потемкин, вызовите их посла Зденика Фирлингера.

Сталин задумался, затянулся и продолжил:

– Хотя это правый уклонист, то есть социал-демократ, но он симпатизирует нашей стране. Недаром во время империалистической войны перешел из австро-венгерской армии на сторону России. Уверен, Фирлингер понимает, что только СССР сможет помочь его стране остаться свободной. Зденик донесет до своего правительства нашу позицию и сделает все, чтобы там, в Праге, поняли серьезность наших намерений. Сообщите ему, мы подтверждаем еще раз, что сразу

готовы прийти по первой просьбе Бенеша на помощь Чехословакии.

Сталин секунду-другую помолчал, затем твердо добавил:

– Даже в случае, если Англия и Франция уклонятся от выполнения своих обязательств.

Вождь вновь прошелся по ковровой дорожке, остановившись, задумался, а затем подошел к маленькому столику с телефонными аппаратами, взял с него машинописный лист и, вернувшись к большому столу, посмотрев на своих собеседников, произнес:

– Резидент военной разведки в Токио Зорге сообщает: «10.03.38 г. Высокопоставленный сотрудник Абвера в Японии в беседе с послом Германии в этой стране Оттом сообщил тому: «Когда Судетский кризис решится в пользу Германии, перед фюрером встанет следующая задача – это Польша. Но фюрер попытается решить ее мирным путем, даже дружеским. Так как задача этих обоих государств – война с СССР».

Сталин, закончив читать спецтелеграмму, покачал головой и произнес:

– Вот такие дела, товарищи, но я глубоко сомневаюсь, что Гитлер будет сотрудничать с Польшей, хотя сейчас вместе с ней желает раздербанить Чехословакию. Затем этот бандит с большой дороги неприменно захочет ее захватить, как сейчас пытается сделать это с Чехословакией.

Вождь остановился перед Потемкиным и продолжил:

– Вот что еще надо сделать, товарищ Потемкин. Твердо заявить президенту Польши Мосцицкому, что если его страна захватит Тешинскую волость Чехословакии, то Советский Союз разорвет договор о ненападении между нашими странами.

Сталин вновь подошел к маленькому столику, взял еще один лист и прочитал его: «Расчленение Чехословакии под англо-французским нажимом означает полное отступление европейской демократии перед угрозой применения силы со стороны фашистской Германии. Эта капитуляция носит характер катастрофы; она отнюдь не содействует укреплению мира и обеспечению безопасности Великобритании и Франции. Наоборот, она неизбежно приведет обе эти страны к такому состоянию, когда они, в конце концов, лишены будут всякой возможности сопротивляться». Эти слова недавно произнес небезызвестный вам, товарищи, сам Черчилль. Товарищ Жданов, на мой взгляд, это сообщение надо опубликовать в газете «Правда». Этим самым мы покажем мировому сообществу, что Россия поддерживает даже антикоммунистов запада в их стремление противостоять фашизму.

Но там, во Франции и Англии, никто, собственно говоря, серьезно и не собирался противостоять германским нацистам, а точнее – Гитлеру. В первую очередь позицию несопротивления фюреру занял премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, оставивший интересы Британской империи. Встретившись с фюрером Третьего рейха 29 сен-

тября в Мюнхене, приехав в «коричневый дом» – так называли в народе партийную резиденцию Гитлера, – расположившись в его кабинете, премьер-министр Англии пошел на поводу у того в вопросе Чехословакии, так как Гитлер ловко обвел Чемберлена приемами демагога, как говорится, вокруг пальца.

– Господин канцлер, – обратился премьер к Гитлеру, – Великобритания и Франция, собственно говоря, да и сами чехи согласны на вхождение Судетской области в состав Германии на основе самоопределения проживающего там немецкого населения. Вам отойдут земли площадью почти сорок два квадратных километра. На этой территории проживает пять миллионов жителей. Кроме того, Германии достанутся промышленные предприятия и военное снаряжение, расположенное в укрепрайоне на границе между вашими странами. И все это без войны с Чехословакией. Как вы ведите, канцлер, я проделал огромную и напряженную работу по сохранению спокойствия в Европе, – подытожил «посланник мира».

Но, к его удивлению, Гитлер усмехнувшись, только хмыкнул на его такую патетическую речь, а затем произнес:

– Безусловно, вы, можно сказать, добросовестно потрудились на благо своей империи, но, – фюрер на некоторое время замолчал и, уставившись в глаза Чемберлена своим знаменитым взглядом, продолжил, – так как Чехословакия только что объявила мобилизацию, я не вижу другого выхо-

да, как ввести войска в эту весьма агрессивное государство. Да и проблема с претензией Польши на Тешинскую область вами, господин премьер-министр, никак не решена.

От такого поворота событий Чемберлен остолбенел, силы его покинули, и, к удивлению Гитлера, он в измождении улегся на кожаный диван и, глядя снизу на Гитлера, с ужасом произнес:

– Но это же война, канцлер! Вы должны найти какой-то выход из складывающейся ситуации.

Затем, потерев ладонью лоб, жалобно произнес:

– Господин Гитлер, вы все же должны пойти мне навстречу ради сохранения мира в Европе и моего престижа в парламенте Великобритании.

– Хорошо, господин премьер-министр, я пойду вам навстречу, если Бенеш отменит приказ о всеобщей мобилизации. А на нашей окончательной встрече-конференции будет председательствовать премьер Италии Муссолини. И никаких чехов вовремя переговоров не должно быть! Только тогда я и отменю приказ о вводе войск в Чехословакию. И поверьте, никакому другому политическому лидеру, кроме вас, я не уступил бы своей позиции ни на йоту, цените это, господин Чемберлен!

Поздно ночью 30 сентября в находящемся недалеко от «Коричневого дома» здании «Фюрербанг», хозяином которого являлся Гитлер, премьеры Франции и Англии Даладье и Чемберлен и два диктатора – Муссолини и Гитлер – окон-

чательно поставили крест на Чехословакии как государстве, при этом, как хотел Гитлер, не допустив в зал, где проходил процесс ликвидации европейской страны, ее представителей – господ Мастны и Масарика.

Стрелки больших часов уже приближались к двадцати четырем часам. И вот-вот они должны были гулко пробить полночь, но «великолепная четверка» ну никак не могла договориться по пустяшным вопросам дележа Чехословакии. Только когда оставалось несколько минут до наступления нового дня, Муссолини воскликнул:

– Господа, мой друг Адольф Гитлер или должен отменить приказ о вводе германских войск в Чехословакию, или начнется европейская война, если мы сейчас же не подпишем вот это тот документ! – Дуче раздал присутствующим листки с текстом и начал читать его: – Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия, согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судетской немецкой территории, договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях. И объявляют себя, в силу этого соглашения, ответственными, каждая в отдельности, за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории начинается с 1 октября и будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое пра-

вительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам – Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии – незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита. – На этом абзаце Муссолини воскликнул: – Это основа соглашения! Остальное не так важно, давайте поставим свои подписи и тем самым предотвратим войну.

Под этим листком, ставившим, по сути дела, ликвидацию Чехословакии как государства, появились «каиновы подписи»: А. Гитлер, Эд. Даладьё, Б. Муссолини, Н. Чемберлен.

Не успели еще высохнуть чернила подписей на документе, а Гитлер устроил банкет по поводу своей победы, но, как фюрер считал, к его сожалению, неполной. Чемберлен, а с ним и Даладьё, уклонились от приглашения. Хотя премьеру Франции хотелось остаться пображничать, так как Даладьё очень понравился подаваемый во время совещания французский абсент «Перно» с непередаваемым ароматом степной полыни, который он и попивал весь вечер.

Два премьера откланялись, и за столом остались фюрер со своими подручными и итальянская делегация. Бравые слуги, отобранные из охранного полка «Адольф Гитлер», все как

один стройные и высокие, одетые в белые жилетки и черные брюки, с белыми перчатками на руках, поднесли гостям шампанское, коньяк, а для фюрера – легкое пиво «Хопф Ди Ляйхтере», но оно, как, впрочем, и подписанное соглашение, не радовало Гитлера. Он уселся за стол с сумрачным лицом, скривясь, потягивая из большой кружки замечательный, сваренный по старинным рецептам, янтарного цвета хмельной напиток и исподлобья поглядывал по сторонам зала, словно кого-то ожидая.

В этой компании находились еще двое с такими же сумрачными лицами. Они, как и Гитлер, были опечалены, что отложена на неопределенный срок небольшая, но, конечно, победоносная война. Этой парочкой были министр иностранных дел Германии фон Риббентроп и шеф СС Гиммлер. Первый, откинувшись на спинку стула и наклонившись в сторону своего соседа, произнес:

– Рейхсфюрер, жалко, что нам не удалось сегодня полностью решить проблему Чехословакии. Эту «недострану» надо было бы уже сегодня немедленно оккупировать!

Визави Риббентропа повернув голову в его сторону и сверкнув стеклами пенсне, не спеша проговорил:

– Полностью с вами согласен, герр министр, хотя посмотрите на итальянских гостей, как я понимаю, они не разделяют нашего с вами мнения.

Гиммлер слегка кивнул головой в сторону сидевшего рядом с фюрером Муссолини.

Надо отметить, что Дуче искренне радовался, что избежал втягивания Италии в ненужный ей военный конфликт и что он, как никто другой, был на вершине международной славы, так как, по сути дела, единолично вел и дирижировал ходом Мюнхенской конференции.

Он, сверкая черными, навывкате глазами, на ломаном немецком с упоением делился своей удачей с фюрером:

– Герр Гитлер, Вы обратили внимание, что англичане с французами ничего не подготовили! Ни Даладье, ни Чемберлен толком-то и не знали, как приступить к делу, с чего начать! Хорошо, что я еще у себя, в Риме, подготовил проект этого соглашения, с которым они полностью согласились. Сами-то они пальцем о палец не ударили, чтобы наше сложное дело сдвинуть с мертвой точки. Да и они, к тому же, не знают никаких иностранных языков, кроме своего родного! Хорошо, что я смог без переводчиков общаться с этими, по сути дела, глухонемыми господами! А как я их припугнул вашей готовой к бою армией, фюрер! Испугались они и импозантной фигуры позванного в зал, по моему предложению, генерала Кейтеля! После такой демонстрации силы премьеры сразу согласились на все пункты моего проекта соглашения, постоянно повторяли: «Да, дуче!», «Хорошо, дуче!»

Гитлер, слушая все эти восторги своего итальянского друга, кивал головой, но его мысли были далеко от итогов конференции. Ему не давало покоя и сжигало единственное желание: как все же, не откладывая в долгий ящик, напасть на

Чехословакию, о другом фюрер не мог и думать. Поэтому Гитлер невпопад, непонятно к чему, на похвальбу дуче о своих заслугах, неожиданно произнес:

– Синьор Муссолини, галерея Уффици во Флоренции – это какое-то чудо. Находясь в ее залах, начинаешь понимать Италию, ее искусство! Вы даже не можете себе представить... – Не закончив мысли, Гитлер к чему-то вспомнил юность: – Жалко, что меня не приняли в Венскую академию художеств и не исполнилась моя мечта стать живописцем, как ваши великие мастера!

Муссолини на самом деле не мог понять, о чем говорит фюрер, так как дуче ни разу не был в Уффици, но он ответил своему другу:

– Герр Гитлер, но вы проводите свою политику с таким же мастерством, как Леонардо или Микеланджело творили свои шедевры.

Фюрер на эту лесть дуче согласно кивал головой в такт словам Муссолини, а у самого еще сильнее чесались руки загрести полностью то, что осталось от Чехословакии, а по сути дела – уже Чехии, так как Словакия не без помощи Германии уже была на грани выхода из единого государства.

Ко всему прочему, сохранить имидж миротворца фюреру помог все тот же Чемберлен, пришедшей рано утром к полусонному Гитлеру с просьбой подписать подготовленную им англо-германскую декларацию о взаимном ненападении.

– Господин рейхсканцлер, – начал Чемберлен, вынимая

из кармана пиджака небольшой листок бумаги, – мы с вами считаем, что тройственный договор, подписанный вчерашней ночью, а также соглашение по военно-морскому флоту, ранее заключенное между нашими государствами, являются документами доброй воли наших народов, гарантами предотвращения войны между Великобританией и Германией. Нам с вами необходимо постоянно прилагать политические усилия к мирному решению возникающих разногласий для предотвращения всеокрушающего пожара в Европе. Поэтому прошу вас подписать вот эту декларацию. – И протянул фюреру свой листок.

Гитлер, у которого болела голова от выпитого ночью пива, как-то хмуро посмотрел на Чемберлена и с хрипотцой в голосе произнес:

– Ну если вам, господин премьер, так хочется иметь этот клочок бумаги с моим росчерком, то я, ради вашего, можно так сказать авторитета в Англии, завизирую его. – И фюрер поставил свою размашистую подпись.

А через несколько часов в аэропорту Хитроу Чемберлен, стоя в проеме двери самолета, достал эту бумажку и, размахивая ею, громогласно, самодовольно произнес перед встречающими:

– Я вам привез мир в Европу на многие предстоящие годы!

А через три дня его оппонент Уинстон Черчилль в ответ на это громогласное заявление на весь мир пророчески про-

изнес: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестьем. Она выбрала бесчестье и получит войну». И он не ошибся.

Так как 14 марта Гитлер вызвал в рейхсканцелярию президента Чехии Эмиля Гаху, сменившего ушедшего в отставку Эдварда Бенеша. Принял фюрер президента в специально затемненном кабинете, в котором горело всего два или три светильника на все огромное помещение. И в категоричной форме заявил тому:

– Господин Гаха, вы прекрасно знаете, что на протяжении многих веков немецкие племена проживали на территории Богемии и Моравии. Поэтому эти земли должны принадлежать Германии.

– Господин рейхсканцлер, вы говорите о принадлежности этих двух областей Германии, а сами назвали их Богемия и Моравия, как это было в Австро-Венгерской империи Габсбургов, – возразил Гаха.

– А это неважно, я возвращаю их исконные названия и предлагаю вам свое покровительство, а значит и спокойствие населению и уверенность в завтрашнем дне. Давайте не тяните с подписью под документом о присоединении Чехии к Германии. А иначе, – Гитлер перешел на повышенный тон, – отдам приказ, бомбить Прагу и в первую очередь – Градчаны, вашу резиденцию. Пострадает там и знаменитый собор Святого Вита... Вот черт! – воскликнул Гитлер, – старикашка потерял сознание, позовите кто-нибудь моего доктора

Морелля. Пусть сделает ему укол, чтобы Гаха не окоचурился. Не то западные демократии завоюют, что президента Чехии убили в Берлине. Геринг, пока Гаха приходит в себя, отдай приказ войскам вступить в их Злату Прагу. Там, в Градчанах, и подпишу указ о протекторате Богемия и Моравия, а во главе его поставлю фон Нейрата.

После того как Гаха пришел в себя, Гитлер, пообещал тому, что тот останется номинальным президентом протектората, с тем и отправил его в Прагу.

После этого, уединившись с министром иностранных дел, перед тем как самому ехать победителем в Прагу заявил:

– Риббентроп, теперь на очереди Польша. Но для этого мне нужна Россия, как гарант безопасности восточной границы. Немедленно пошлите депешу в Москву графу фон Шуленбургу, чтобы тот довел до сведения Сталина желание Германии установить прочные связи с Советами. А сам быстро собрался и на автомобиле отправился в Прагу.

Прибыв в Пражский град, посмотрев королевский дворец, подписав там документ об образовании Богемии и Моравии, затем с самого высокого места в Градчинах возле костела Девы Марии оглядел раскинувшийся внизу старинный город с красными черепичными крышами. Затем Гитлер на самой большой Вацлавской площади принял военный парад частей вермахта и с тем отбыл на «гору».

Пока фюрер в своем имении Бергхоф с нетерпением ожидал звонка из столицы России от Молотова с приглашением

имперскому министру иностранных дел посетить Москву, на расстоянии около тысячи девятисот километров на восток, не в самой столице, а в Подмосковье, на даче Сталина под названием «Ближняя», решался вопрос, который так мучил Гитлера. Звонить или нет фюреру Третьего, так называемого вечного, рейха. А самое главное – приглашать или нет имперского министра иностранных дел Германии фон Риббентропа в Москву для переговоров.

Как мы уже знаем, Бергхоф находился в красивейшем месте Баварских Альп. Но надо отметить и расположение «Ближней», построенной возле древнего, возникшего еще в XVI веке села Волынского, что приютилось почти рядом с маленьким городком Кунцево. Эта местность, смело можно сказать, не уступала по красоте территории, где расположился Бергхоф. За исключением, пожалуй, того, что здесь не было гор с заснеженными сверкающими вершинами. Но вокруг «Ближней» возвышался лес из так называемых красных, высоченных мачтовых сосен, уступами спускавшихся с пологих холмов к протекавшей внизу Москве-реке с живописными поворотами. В ее прозрачной воде отражались и этот хвойный лес, и плывущие по небу белоснежные кучевые облака, похожие на горные вершины Альп. Вечером последние алые солнечные лучи света, уходящего туда, на запад, солнца, переливались в струях вод широких плесов реки. Да и недаром древние пращурь, основавшие городок, назвали его Кунцево. А все потому, что оно происходит от старославянского

слова «кунка», то есть «пригожая», или «милая».

У Сталина, кроме «Ближней», была еще одна дача, так называемая «Дальняя», в селе Успенское. Но Сталин редко бывал там после того как вторая жена, Надежда Аллилуева, когда «ближний круг» отмечал пятнадцатую годовщину Октябрьской революции, неожиданно испортила праздничный вечер, да и, наверно, характер Сталина.

Застолье весело проходило в квартире Ворошилова. В один из моментов, после очередного тоста, вождь, выпив, взял и из мякиша черного хлеба, которым закусил, скатал шарик и с хитроватой улыбкой бросил в одну из жен своих соратников, при этом еще и подмигнув ей.

Надежде Сергеевне этот пассаж мужа крайне не понравился. Надо отметить, что присутствие цыганской крови делало Надежду очень вспыльчивой и неуравновешенной. Вдобавок ко всему, ее часто и неожиданно мучили сильные головные боли, от них она, к сожалению, безуспешно лечилась в Германии у лучших профессоров-неврологов.

Увидела, что Сталин, довольный, что шарик попал именно в ту даму, в которую он метил, благодушно засмеялся. Вождь еще рот не успел закрыть, как Надежда быстро поднялась из-за стола, можно сказать, выскочила из-за него, словно ошпаренная кипятком, и стремительно покинула застолье, при этом громко хлопнув дверью.

Прибежав в свою квартиру, нашла подарочный револьвер Сталина, врученный ему Реввоенсоветом за участие в граж-

данской войне. Взвела курок и, не раздумывая ни мгновения, сгоряча взяла и после этой пустяшной по сути дела ссоры с мужем пустила пулю точно себе в сердце. Оставив без материнского тепла, шестилетнюю дочь Светлану и двенадцатилетнего сына Васю.

Сталин плакал по поводу утраты не только в квартире у гроба с телом любимой жены, но и на самих похоронах. Вождь рыдал всю дорогу, когда шел один за гробом по дороге на Новодевичье кладбище, не стесняясь отставших на некоторое расстояние от него партийцев, пришедших проводить в последний путь Надежду Сергеевну.

Потом, спустя некоторое время, при очередном застолье в кругу своих самых ближайших соратников Молотова и Ворошилова, вспоминая тот трагический вечер, вождь, сглотив горький комок в горле, тихо произнес: «Надя изуродовала мне душу своим безумным поступком на всю оставшуюся жизнь!»

После самоубийства жены Сталин практически перестал ездить в Успенское, где ему все напоминало о Надежде Сергеевне. И он приказал построить еще одну дачу, но уже поближе к Кремлю.

Вот тогда-то и выбор пал на Кунцево, самое красивое место в ближайшей округе, да и от рабочего кабинета Сталина до этого места нужно было ехать всего минут пятнадцать. Сначала от Кремля по Арбату к Смоленской площади, а там – по Можайскому шоссе, и вот уже Кунцево и Волынское.

Быстро решился вопрос и с архитектором, которому будет поручено проектирование столь важного объекта. С подачи Ворошилова им стал Мержанов, архитектор строительного отдела Центрального Исполнительного Комитета Советского Союза. Надо отметить, что Мирон Иванович незадолго до этого возвел в Сочи большой санаторий РККА, впоследствии получивший, по настоянию Сталина, название «Имени Ворошилова». За этот проект Мержанов на Парижской всемирной выставке в тридцать шестом году получил гранпри.

Мирон Иванович, выслушав пожелания вождя, предложил построить одноэтажное здание с несколькими верандами вокруг дома, на которых впоследствии Сталин любил отдыхать, лежа на кушетках, как летом, так и, закутившись в армейский тулуп, зимой.

В самом доме Мержанов спроектировал семь комнат. Начиналось внутреннее помещение с большой прихожей. По обеим сторонам от входа находились вешалки для верхней одежды с полкой для головных уборов. Вождь обычно пользовался той, что находилась слева от входа. И если на ней находилась одежда Сталина, то уже никто не вешал на нее свою, а пользовались той, что была справа. И вождь иногда, когда бывал в хорошем расположении духа, шутил над своими соратниками, когда те вешали верхнюю одежду на свободную половину: «А правые уклонисты пришли!»

Далее в помещении имелись прихожая, два обеденных за-

ла, большой и малый. Рабочий кабинет Сталина с письменным столом и небольшим столиком для телефонов, а также с диванами, на них вождь обычно и спал. Имелась также ванная комната, оборудованная по последнему слову западной техники. Кухня с большой русской печью с приставной деревянной лесенкой. По ней Сталин забирался на «лежанку», прогреть спину, когда его начинал мучить радикулит. Для совещаний использовался большой зал с длинным столом и рядом стульев вокруг него.

Кроме того, Мирон Иванович спроектировал несколько служебных небольших строений для obsługi и охраны. Помимо всего, Мержанов проявил себя как прекрасный ландшафтный архитектор.

По его плану, на территории были разбиты дорожки и сад с виноградником. Сталина сам ухаживал за лозами и собирал созревший урожай. В те годы, когда в Подмосковье выдавалось очень теплое лето и гроздья хорошо вызревали, вождь из них самолично делал домашние вино, угощая им своих соратников. Пробовали они и арбузы, выращенные Сталиным. Вождь сам вскапывал грядки и сажал семена, а затем ухаживал за небольшой бахчой. И хотя арбузы выросли небольшими и зачастую были на разрезе розоватыми, но все же довольно сладкими. Гости, как правило, нахваливали и вино, и арбузы, а вождь, слушая славословие, очень довольный похвалами, ухмылялся в усы.

Глава пятая

Совещание на «Ближней» даче Сталина

В один августовский вечер тридцать девятого года, на Яблочный Спас, в окруженной двойным пятиметровым забором «Ближней», или, как ее еще называли те, кто там часто бывал, из-за цвета, в который было покрашено здание, «Зеленой», в большом зале вокруг стола совещаний собрались члены политбюро, которых пригласил, а точнее сказать, вызвал Сталин.

Он не спеша прохаживался вдоль стола, за которым сидели его, как в народе называли их, «соратники». Вождь поглядывал на них, как бы оценивая реакцию собравшихся на его высказывания. А те внимательно слушали и, глядя на вождя, поворачивали головы вслед за его передвижениями. Сталин попыхивал трубкой, и по комнате разливался ароматный запах табака «Герцеговина флор», и рассуждал вслух:

– Давайте, товарищи, предположим, что мы сейчас подпишем договор о взаимопомощи и с Англией, и Францией.

А надо отметить, что в это самое время в Москве находилась совместная делегация этих стран, якобы прибывшая для заключения договора наподобие того, что предлагала Советскому Союзу Германия. Но группа чиновников этих стран состояла из второстепенных представителей правительств, не имевших никаких полномочий для подписания даже малозначимых документов и не спеша приплыв-

ших в Россию на грузо-пассажирском пароходе.

– Предположим, если случится чудо и эти делегации получат добро от своих правительств на подписание с нами договора о дружбе и взаимопомощи, то немцы откажутся ли от претензий к Польше? Или сразу начнут переговоры с Англией и Францией о разделе сфер влияния? – рассуждая, не спеша проговорил вождь. – Если это произойдет, то в этом случае Запад может пойти на уступки Германии, как это произошло в Мюнхене при разделе Чехословакии. По сути дела, сговор Германии, Англии и Франции в Мюнхене был направлен не только против Чехословакии. Если внимательно, по-большевистски заглянуть несколько вперед, то в первую очередь он нацелен и против СССР, а нам это абсолютно не нужно, а для нас такое дело очень опасно.

Сталин остановился возле небольшого столика с пепельницей, выбил погасшую трубку. Затем не спеша взял из лежащей здесь же открытой коробки «Герцеговины флор» несколько папирос, разломал их, аккуратно высыпав табак на вощеную бумагу из коробки и, небольшими порциями уминая пальцами табак, набил трубку. И, оглядев присутствующих, чиркнул спичкой о коробок, который он достал из кармана довольно помятых брюк, и раскурил трубку.

Посмотрев на Берию, выпустив через усы клуб дыма, сказал:

– Наша разведка в Англии доносит, что премьер-министр Чемберлен категорически против заключения между Вели-

кобританией и Советским Союзом какого-либо договора. Этот так называемый вестник мира, а попросту говоря – обыкновенный засранец, был против включения СССР в число участников переговоров в Мюнхене. Но, как мне кажется, это и к лучшему, товарищи. Советская Россия оказалась в стороне от этой сделки и непричастна к уничтожению Чехословакии как государства. Не наша вина, что мы не смогли прийти на выручку практически братской славянской стране, хотя у нас был с ней договор о военной и другой помощи. Способствовали такому развитию событий дипломаты Запада в Праге, настаивали на отмене всех пактов с Россией. И, к тому же, послы Великобритании и Франции Ньютон и Делакама по поручению своих правительств представили премьер-министру Чехословакии Годже, по сути дела, требование, абсолютно противоречащее интересам его страны. Эта двойка в унисон сказала буквально следующее: «Руководствуясь высокими принципами сохранения мира в Европе, мы считаем необходимым присоединение Судетской области к Германии», а взамен гарантировала, что границы Чехословакии после этого будут неприкосновенны, и мы видим, как они неприкосновенны, так как их по сути дела нет. Но об этом я уже докладывал вам в прошлый раз. Сталин вновь пыхнул трубкой. – Как видим, товарищи, таковы на самом деле гарантии Запада. Чехии нет, а есть протекторат Богемия и Моравия, а что касается панской Польши, которая категорически не давала нам разрешения на прохожде-

ние Красной Армии через ее территорию, то она сама приняла участие в разделе Чехословакии ведь, в конечном счете, Польша нагло захватила Тешинскую волость этой страны, где проживало большинство чехов. А ведь мы могли для целостности Чехословакии выставить против Гитлера большие силы Красной Армии и сокрушили бы Гитлера.

Вождь задумался и продолжил:

– Согласитесь, товарищи, это несерьезный подход к переговорам со стороны Англии и Франции, их делегация просто-напросто тянет время. Хотят за нашей спиной договориться с Германией и, возможно, объединиться против нас. А такой поворот дела не пойдет. Мы еще не готовы к войне с объединенными силами Запада, Красной Армии надо набраться сил, стать мощной, но для этого нужно время.

Сталин подошел к Ворошилову и положил правую руку на его плечо:

– Вот, что Клим, давай сворачивай эту богадельню по переговорам, не будет от пустой болтовни никакого толку, никаких мирных гарантий мы не получим, только зря время теряем!

Клемент Ефремович возглавлял на переговорах с Англией и Францией делегацию от России. Но Сталин, по своей привычке подпольщика держать все до поры-до времени в тайне, не сказал тому, что и Германия хочет заключить с Москвой такой же договор. Посол фон Шуленбург уже обратился с этим предложением, и сам он отдает предпочтение

немцам.

Не зная этой подковерной интриги вождя, Ворошилов с жаром, с таким же, с каким, размахивая клинком, ходил в атаки на горячем коне, распинаясь перед французами и англичанами, доказывал посланцам «демократического Запада» все выгоды для них от заключения такого договора по сути дела образования антигитлеровской коалиции. Клемент Ефремович очень надеялся на успех и, как следствие, на заслуженную похвалу от вождя и на то, чтобы как всегда ходить в его любимчиках. Но Сталин специально поставил во главе делегации не дипломата, а лихого и храброго рубаку Ворошилова, с которым воевал на Царицынском фронте, прекрасно зная, что тот никаких нужных сдвигов в переговорах не добьется, что и нужно было вождю.

– Клим, отправляй эти делегации восвояси, пусть уплываю́т на своем грузовом пароходишке! А до Ленинграда, товарищи, может, предоставим им для разнообразия, – здесь вождь хитро прищурился и продолжил, – вместо спального вагона в «Красной Стреле» теплушку с решеткой на окнах, как думаешь, Лаврентий?

– А не рано их, товарищ Сталин, на север? – в тон ему, весело ответил Берия, подчеркивая перед остальными свою близость к вождю.

Соратники вождя оценили шутку, весело засмеявшись, только Ворошилов даже не улыбнулся, напротив, насупился. Он начал понимать, что все его старания и усилия были на-

прасны, так как эти переговоры были всего лишь ширмой, за которой вождь вел свою политическую игру.

Сталин, не снимая руки с его плеча, с дружескими нотками в голосе проговорил:

– Клим, не обижайся, так надо было для дела, лучше вспомни Ростов, как тебя любит народ.

Дело было в том, что в конце двадцатых годов Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян вместе в одном поезде ехали отдыхать на Кавказ. Литерный небожителей остановился в Ростове-на-Дону для смены локомотива. Все члены Политбюро решили прогуляться по перрону, как говорится, размять ноги. А надо отметить, что в то время охрана неплотно опекала высшее руководство страны и на перроне было довольно много отъезжающего и провожающего народу.

Вдруг из толпы выдвинулся невысокого роста мужичок в лихо заломленной казацкой форменной фуражке, из-под которой вбивался чуб, и в синих шароварах с красными лампасами, а также с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Он, обращаясь к толпе, находившейся на перроне, радостно и громко проговорил: «Смотри-ка, казаки, сам Сталин с нами, во... и Микоян появился! Здесь, оказывается, и Серго», – восхищенно глядя на вышедшего из вагона Орджоникидзе, продолжил казак.

Ворошилов в этот момент, когда народ рассматривал почти все правительство страны, немного задержался и по-

явился в проеме вагонной двери, когда казак уже закончил перечислять прибывших.

Увидев показавшегося в двери еще одного небожителя, казак от удивления и восторга громко выкрикнул: «Итить твою мать! Оказывается, и наш Клим с ними здесь обретается!» Все, кто был на перроне, весело не то что засмеялись, а просто «грохнули» оглушительно, зайдясь смехом. Возглас казака особенно понравился вождю, он запомнил его и часто при появлении Ворошилова повторял его.

Вот и на это раз полушутливо спросил:

– Так что, Клим, ты с нами? – И, посерьезнев, продолжил: – Заключая договор о ненападении с Германией, мы, во-первых, обезопасим себя на какое-то время от нападения немцев. Во-вторых, Германия обязательно начнет войну с Польшей. Об этом говорит и захват немцами литовского города Клайпеда. Вячеслав, – обратился вождь к недавно назначенному комиссаром иностранных дел Молотову, – напомни нам ход событий.

Тот хотел встать и уже приподнялся, но Сталин, слегка махнув рукой, показал, что он может сидеть, и он не спеша стал докладывать.

– Двадцатого марта в Берлине встретились министр иностранных дел Литвы Йозас Урбашис и фон Риббентроп. Последний категорически потребовал, чтобы Литва незамедлительно вернула Германии то, что ей не принадлежит, то есть Клайпедскую волость. Если этого не произойдет, то фю-

пер Великой Германии всеми доступными ему средствами сделает так, что Клайпеда вновь окажется в рейхе. Вячеслав Михайлович на некоторое время замолчал, словно раздумывая, а затем продолжил: – Также, товарищ Сталин, германский министр припомнил литовцам Версальский договор. Он сказал буквально следующее: «У Германии просто украли Клайпедский край из-за позорного диктата Версаля, несмотря на право народов на самоопределение. А жители этого города страстно желали остаться в фатерланде, и они обязательно воссоединятся со своей родиной». И уже двадцать третьего чрезвычайный и полночный министр Лозарайтис пописал акт о добровольной передаче края Германии. И в этот же день, товарищ Сталин, канцлер Германии прибыл в Клайпеду, где его восторженно приветствовали жители города, переименованного уже по-немецки – Мемель. Гитлер с балкона местного драмтеатра принял парад войск.

Молотов замолчал и посмотрел на вождя, а Сталин, усмехнувшись, вынул трубку изо рта и с сарказмом произнес:

– Смотрю, нашему будущему партнеру не дают покоя лавры актера, то в Карловых Варах с балкона местного театра выступает, теперь в Клайпедде антрепризу дает. – Затем задумчиво произнес: – Вот вам, товарищи, на ярком примере все той же Клайпеды гарантии Англии с Францией о безопасности, которые они давали в свое время Литве. Так же эти две западные демократии могут и нас надуть, если мы

подпишем с ними, не дай Бог, соглашение о взаимной помощи. Так что нам надо крепко подумать, стоит ли с этими ненадежными странами-партнерами связаться.

Сталин затянулся, трубка издала хрипловатый звук, вождь, выпустив сквозь усы небольшое сизое ароматное облачко, продолжил рассуждение:

– Не последнюю роль в этом деле сыграли Польша и так называемый начальник государства Польского Пилсудский. Юзеф при подписании Версальского договора высказался, что Литва должна стать частью Польши. Конечно, многого чего хотел бы этот бывший харьковский студент. Откусили поляки кусок от Чехословакии, теперь присматриваются, чем еще поживиться, но мы тоже не дураки. Сталин на несколько секунд остановился, а затем продолжил говорить: – Ведь Россия так же, как и Германия, пострадала от Версальского договора. Потеряла на полях сражений более миллиона убитых, три миллиона раненых и почти столько же попавших в плен – это, пожалуй, больше, чем потери других воевавших стран, – а в результате этого подлого соглашения потеряла огромные территории и, соответственно, население. Антанта специально это сделала. Вспомним, товарищи, что сказал по этому поводу Ленин: «Из Польши Версальский мир сделал государство-буфер, который должен отгородить Германию от столкновения с советским коммунизмом и которое Антанта рассматривает как орудие против большевиков».

Сталин молча прошелся вдоль стола, как бы отделяя сказанное от того, что он собирался высказать и продолжил:

– Гитлер по поводу Польши недавно категорично заявил: «Это государство не имеет право, на существование, притесняя фольксдойче и ведя агрессивную политику против русских». Это высказывание канцлера Германии – своеобразный, товарищи, посыл нам о предложении нормализовать наши отношения. Соответственно, при возникновении военного конфликта между двумя этими странами, а я не сомневаюсь, что он состоится и будет решен в пользу Германии, но никак не Польши. И если Гитлер вторгнется в Польшу, то мы потребуем от немецкой стороны, если с ними заключим договор, согласия на то, чтобы наша граница на западе прошла, предположим, по Бугу, а города Брест-Литовский, Лемберг – Львов отошли нам. Буковина и прибалтийские республики чтобы также вошли в сферу наших интересов, а не Германии. Компенсируем хоть что-то из версальских потерь. Но эти требования необходимо выдвинуть заранее. Отодвигая границу на сотни километров, мы даем Красной Армии на случай войны с Западом, а она рано или поздно будет, возможность тактического маневра. В-третьих, нападая на Польшу, Германия обязательно спровоцирует конфликт с Англией и Францией. Ведя между собой войну, эти три государства ослабнут как в военном, так и в экономическом плане. Что, товарищи, очень выгодно, как говорится, нам на руку, и они просто не смогут решиться в этом случае

напасть на Советский Союз.

Сталин на секунду задумался, а затем, рассуждая, спросил:

– А то, что Англия и Франция спят и видят, как побыстрее стравить Россию с Германией себе на выгоду, – это очевидный факт. Товарищ Берия, что сообщает твоя агентура из Европы?

Тот так же, как и Молотов, хотел встать, но Сталин так же положил руку Берии на плечо, давая понять, что тот может отвечать сидя.

– Товарищ Сталин, по нашим данным, Гитлер встречался с французским дипломатом Понсе и прямо сказал тому, что его интересуется тучные земли Украины и нефтяные поля Закавказья. По данным нашей агентуры за рубежом, в перехваченной шифровке финского дипломата Гриппенберга в их МИД говорилось, что один из членов английского правительства высказался, что ни Великобритания, ни Франция не будут возражать против военного похода Германии против СССР. Позиция Англии следующая – ждать и посмотреть, чем закончится большой конфликт между Германией и СССР.

– А что у нас по линии военной разведки, Лаврентий? – не спеша задал новый вопрос Сталин

– Начальник разведывательного управления комдив Проскуров, передал мне шифротелеграмму из резидентуры в Токио.

– Что сообщают военные? Да, кстати, я тебе лично говорил, чтобы был отозван в Россию тот коминтерновец, русский немец из Баку, как его... да, вспомнил, Ика Зорге?

– Ему послан вызов, товарищ Сталин, чтобы он прибыл в Москву, но Зорге, ссылаясь на напряженную оперативную обстановку, просит разрешения остаться еще на некоторое время в Японии.

Сталин, до этого прохаживавшийся вдоль стола, вновь подошел к Берии. Тот повернулся в сторону вождя, а он, наклонявшись, к Берии и глядя своими рысьим взглядом нарком в глаза, с угрозой тихо произнес:

– Смотри, Лаврентий, вы с Проскуровым с огнем играете, я же приказал, чтобы Ика прибыл в Москву. Сдается мне, что он работает не только на нас.

Сталин был недалек от истины. Рихард Зорге, резидент советской военной разведки в Токио, имевший партийную кличку в Коминтерне «Ика» и подписывавший шифротелеграммы в центр «Рамзай», сотрудничал со многими разведслужбами, добывая информацию для Москвы. Зорге активно контактировал с военной разведкой Германии, абвером, обмениваясь информацией по Японии. Не исключено, что Рамзай сотрудничал и со спецслужбами Японии, представляя информацию по Германии. Контактывал он и с американской военной разведкой, как говорится, дело «плаща и кинжала» очень тонкое.

Надо отметить, что Проскуров, начальник разведупра

Красной Армии, в этом деле практически ничего не понимал, так как был от всех тонкостей разведки человек весьма далекий. Иван Иосифович окончил Сталинградскую школу военных летчиков. Воевал более года в Испании. Возглавляя там первую интернациональную бомбардировочную эскадрилью «Испания». После возвращения на родину Проскуров получил из рук вождя звание Героя Советского Союза. И по его же воле в апреле 1939 года был назначен заместителем наркома обороны СССР и начальником Разведывательного управления Красной Армии

– О чем говорится в разведсводке Зорге? – продолжил вождь.

– Японское посольство в Берлине получило предписание, что в случае, если Германия начнет любую войну, то Япония должна автоматически вступить в нее на стороне союзника, то есть Германии и Италии, если Советский Союз будет противником Германии. В войне с третьими странами при условии, что Россия будет сохранять нейтралитет, то Япония вступит в военные действия, когда это будет отвечать интересам союзников или непосредственно ее. Также, товарищ Сталин, «Рамзай» еще ранее сообщал, что на совещании высших военных Германии Гитлер поставил следующую задачу перед ними. Вначале Польша, а лишь затем Советский Союз. С Западом он начнет воевать, если Англия и Франция помешают ему разделаться с Польшей.

Сталин на эти слова недовольно поморщился и с нескры-

ваемой злобой сказал:

– Товарищ Берия, надо продолжить начатую Ежовым проверку и перетряхнуть всю разведку. Только и присылают сообщения, что Германия завтра нападет на нас. Гитлер что, дурак? Он что, будет воевать на два фронта – и с нами, и с Западом? Я думаю, вряд ли. Да и его посылы говорят о том, что он, несмотря на противоречия в наших идеологиях, желает установить с нами нормальные деловые отношения. Подружившись на какое-то время с Германией, мы оттянем столкновение с ней годика на три-четыре. За это время еще более укрепим нашу армию и оборонную промышленность. Нет, надо идти навстречу Гитлеру, я так думаю.

– Ну а что скажешь ты, Вячеслав? – обратился Сталин к комиссару иностранных дел.

Тот немного помолчал и, слегка заикаясь, ответил вождю:

– Ты, Коба, как всегда мудр, предлагая завершить переговоры с англичанами и французами. Ничего стоящего они предложить нам не могут, да и к тому же в Лондоне, пока мы разговариваем с их так называемыми представителями, ведутся переговоры между Германией и Великобританией на более высоком уровне.

Вячеслав Михайлович замолчал и, поблескивая стеклышками пенсне, оглядел присутствующих и затем продолжил:

– Посол Майский сообщает, что недавно второе лицо рейха Герман Геринг неоднократно встречался с посредниками из Швеции по поводу мирного соглашения с Англией. По

этому поводу министр иностранных дел Великобритании Галифакс высказался: «Мы будем следовать тому настрою фюрера, который он проявил, а это желание решить вопросы, вызывающие беспокойство в отношении наших стран, мирным путем».

– Что еще передает Майский? – нетерпеливо перебил Молотова вождь.

– Премьер-министр Чемберлен отправил послание Гитлеру, в котором говорится, что полностью поддерживает желание рейхсканцлера основой взаимоотношения между странами сделать дружбу между Германией и Великобританией, – Молотов замолчал, и в зале воцарилась молчание.

Сталин, не нарушая тишины, прошелся вдоль стола, бесшумно ступая по ковру в своих мягких кавказских сапогах, и, остановившись возле торца стола, присел на стул, положив перед собой трубку.

– Ну что ж, товарищи, если Англия и Франция не хотят создавать антигитлеровскую коалицию, а напротив, хотят войны между СССР и Германией, мы должны сделать свой выбор, и он очевиден, нам на этом этапе выгоден союз с немцами. Два дня тому назад мы подписали торговое соглашение. Германия дает нам кредит в сумме 180 миллионов марок сроком на семь лет под пять процентов для закупки необходимых для нас современных станков, нового оборудования, передовой военной техники.

Сталин поднялся со стула, подошел к Молотову и спро-

сил:

– Вячеслав, а что ты думаешь об этом деле – дружбе с немцами?

– Коба, ты правильно повел линию на постепенное сближение с германцами. Взять, к примеру, нынешнее торговое соглашение, которое ты инициировал. Молотов на мгновение задумался, а затем продолжил: – Проект торгового договора, разработанный тобою, отличается на порядок в лучшую сторону от всех ранее заключенных. Мы никогда не имели такого выгодного соглашения с другими странами, не говоря уж об Англии и Франции. Они Советскому Союзу ничего подобного и не хотели предлагать. Я думаю, и меня поддержат остальные члены Политбюро, что надо идти дальше и заключать политическую часть договора с Германией. Не стоит надеяться на туманный Альбион и его партнера Францию. Тем более позавчерашнее письмо от Гитлера говорит само за себя, он явно торопит нас принять министра иностранных дел не позднее 23 августа для подписания договора о ненападении. А это значит, раз немцы торопятся, причем к определенному числу, то мы сможем подписать этот документ на самых выгодных для нас условиях. Явно Гитлер в ближайшее время планирует напасть на Польшу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.